

История с географией (опыт деконструкции)

Россия — сфинкс. Она сидит в гнезде.
Никто не знает, где её граница:
Где хочется (а хочется везде).

Дм. Быков

Тот род цивилизации, который привили
этой несчастной стране, роковым
образом привел к двум последствиям:
извращению инстинктов и
притуплению или уничтожению
рассудка.

Ф. Тютчев

Введение

Настоящая работа может вызвать своим началом некоторое недоумение. Например, для чего автору понадобилось разбирать чьи-то работы, написанные 20-50 лет назад, да еще на английском языке? А все дело в том, что автору показалось интересным прослушать в 2021 году курс «Российское государство и российское пространство» одного «продвинутого», как он полагал, профессора одного новейшего университета. В процессе чего он совершенно неожиданно столкнулся с прочтением и интерпретацией русской истории в духе примитивного конструктивизма и «географизма». Именно из данного курса и берутся иногда цитируемые и критикуемые в настоящей статье тезисы.

Но эта критика не являлась самоцелью — она дала автору возможность представить собственное видение судьбы Русской цивилизации.

Магистральной концепцией курса являлось рассмотрение политической культуры России как результата ее модернизации по западному образцу начиная с эпохи Ивана Грозного. В самые сомнительные моменты такого рассмотрения объяснялось, что модернизация эта была «поверхностной» или даже «имитационной», ну, а в результате — сошла на нет после прекращения СССР.

Что именно дает нам такая концепция, что она позволяет понять? «Россию нужно переучреждать» — таков вывод. Но вот если бы удалось провести в 90-х люстрацию, то, видимо, переучреждать не пришлось бы. Роковая ошибка... Ну, а главная и глубинная причина того, что модернизация эта получилась не такой, какая она должна была быть (видимо, выводящей Россию в число «нормальных» европейских стран), — это свалившееся на нее огромное негостеприимное пространство, сформировавшее «неправильный» тип государства...

По сути — эта концепция заранее обреченной модернизации, не дающая нам ничего нового по сравнению с другими теориями «географического проклятия» России.

Теорию «географического проклятия» обосновывал, например, один российский публицист (полковник Федеральной пограничной службы) в своей знаменитой книге «Почему Россия не Америка?» [Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М. 2003]. «А чем Россия не Нигерия?» — отвечал Паршеву в своей книге другой, либеральный публицист [Смирнов И.Ю. А чем Россия не Нигерия? М. 2006]. «Почему одни страны богатые, а другие бедные» — попытались разрешить этот «парадокс» авторы рекомендуемого в курсе издания [Дарон Аджемоглу, Джеймс А. Робинсон. Почему одни страны богатые, а

другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М. 2015]... И, в общем-то, вполне разрешили: дело не в географии, а в действенности тех или иных институтов – инклюзивных или эксклюзивных.

Что же касается отдельных составляющих этой «модернизационной» концепции...

Вот я сейчас как дважды два докажу, что, вопреки утверждению профессора, «модернизация» во времена Ивана Грозного происходила вовсе не по «классическим западным канонам», а по османским! Да-да – вот эти самые «организационные и военные технологии» с точностью до терминологии и устройства затворов фитильных ружей повторяли «магометанские» – не зря же «Иван Пересветов» (скорее всего – сам Иван Грозный) давал Ивану Грозному советы брать за образец турецкие политические обычаи! Вот, пожалуйста, серьезный научный труд на эту тему [Нефедов С.А. Реформы Ивана III и Ивана IV: Османское влияние // Вопросы истории. 2002. № 11 – <http://book.uraic.ru/elib/Authors/NEFEDOV/Science/Russia/Osman.htm>]. И что это меняет? Всего-навсего то, что теряется «правильный», в определенном смысле, идеологический окрас, заключенный в этих «классических западных канонах».

Для меня очевидно, что «географический» подход к исследованию политической истории России ложен и непродуктивен. Но имеет смысл выявлять заключенный, порою, в его риторике подтекст – тогда может открыться и нечто сущностное.

Перед тем, как этим заняться, я, забегая вперед, все же обращусь к важному, в моем понимании, вопросу:

«Какое в России было общественное сознание в XVI веке?»

Этот вопрос был задан профессором в качестве риторического слушателю – участнику микродискуссии, возникшей после лекции, посвященной государственно-пространственному измерению российской истории.

До того момента слушатель по наивности полагал, что характеристическая сущность избраннического общественного сознания России, на которую он ссылался, – это некое общее место. Оказалось, что нет. Что «Москва – Третий Рим» по мнению профессора – это просто идеологема, навроде «Народ и партия едины!»... И что, судя по реакции, сама мысль о возможности (не говоря уж о значимости) общественного сознания в тот период представлялась абсурдной...

А относительно познавательной значимости указанной идеологемы было сказано следующее:

«Не надо принимать идеологемы и вот эти все идеологические конструкты за какие-то интенции, за какие-то факты общественного сознания, которые проявляются сейчас... Если мы сейчас позволим обманываться какими-то вот этими... я не знаю. Или вы можете поговорить о “православии, самодержавии, народности”, например. Еще одна идеологема. “Мы не можем понять современную Россию, если мы не изучим «православие, самодержавие, народность»...”»

Что ж, можно поговорить и о «православии, самодержавии, народности». Словами академика Юрия Пивоварова (авторитетного, как выяснилось, для профессора):

«Наша же известная триада “православие, самодержавие, народность” была создана по прямому указанию Николая Павловича Романова, царя русского. Он заказал сформулировать русскую идеологию. И графу Сергею Семеновичу Уварову, человеку блистательному, образованнейшему (это не значит, что я его поклонник) это удалось. Он создал гениальную формулу, которую я считаю очень вредной, нехорошей, но... Она во многом адекватна, выражает русскую органику, точна. Почему она осталась? Потому что соответствовала, повторяю, русской органике и отчасти соответствует ей даже сейчас [Владимир Ханелис. Академик Пивоваров о будущем России // Корни. 2012. № 56. с. 5-15].

Так вот - было, было в России в XVI веке общественное сознание, сочетавшее в себе идею избранничества и, тесно с нею связанное, сакральное восприятие власти, воплощаемой «самодержцем». Это сознание, которое с полным правом можно называть «традиционным», определяет до сих пор базовый культурный слой, задав политическую культуру России на века вперед. Мы еще остановимся на этом подробнее в **Части 3**.

А пока приведу лишь как «информацию к размышлению» цитату из перевода современного той эпохе латинского издания 1578 года: [Александр Гваньини. Описание Московии. М. Греко-Латинский кабинет. 1997]:

«Русские хвалятся, что они восприняли христианскую веру от святого апостола Андрея: еще раньше Ольги и Владимира, как говорят их летописи, он приплыл из Греции по Эвксинскому Понту к устью реки Борисфена, по-местному называемого Днепром, и оттуда против течения реки дошел до Киева, в то время-столицы Руси, и там всю землю русскую благословил и крестил и установил там крест. Из Киева, как говорят, он дошел до истоков Борисфена, называемых Днеперском. Оттуда он двинулся на Новгород Великий, а затем через Германское море поплыл в Рим. Наконец, на Пелопоннесе в Греции, при царе по имени Аг он был за Христа распят на кресте (прим.: Аг Антипатр – проконсул в Патрасе Эгей). /.../

Русские хвалятся, что только они вместе с греками являются истинными христианами, римлян же и других христиан осуждают и проклинают как отступников от первоначальной церкви и изменников семи святым соборам. /.../

Нынешний государь Московии Иоанн Васильевич властью, которой он обладает над своими подданными, далеко превосходит монархов всего мира, так как авторитету своему (или, точнее, тирании) подчинил как людей духовных, так и светских всех сословий; свободно и по своему произволу распоряжается жизнью и имуществом всех (без всякого их сопротивления). И ни один из советников не имеет перед ним такого авторитета, чтобы осмелиться не согласиться с ним или воспротивиться в чем-нибудь, хотя бы и в явной несправедливости.

В конце концов, все – как вельможи, так и чиновники, как люди светского сословия, так и духовного, - официально признают, что воля государева есть воля Божья и, что бы государь ни совершил, хотя бы и ошибочное, он совершил по воле Божьей. /.../

И даже если государь поступает дурно или к ущербу для государства, все это восхваляют как деяние благое и весьма полезное».

Часть 1. Пространственное измерение русской истории

Заголовок данной части соответствует заголовку первой части рекомендованного курсом фундаментального труда Дмитрия Тренина [Trenin, Dmitri. "Chapter 1. The Spatial Dimension of Russian History", in: Dmitri Trenin. The End of Eurasia. Russia on the Border between Geopolitics and Globalization. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2001, pp. 39-86], в которой «исследуется значение территории и территориальных приобретений в истории России».

Ибо было бы неправильным обсуждать сомнительный тезис *«Россия колонизировала саму себя»* (принадлежащий, видимо, Александру Эткинду [Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 103–124] без рассмотрения его предполагаемого методического обоснования.

Смысловая направленность «измерения»

Уже в самом начале указанного текста автор цитирует Константина Леонтьева, заявившего, что Россия была *«обречена историей на рост, даже вопреки самой себе»*, а затем и Александра Дугина, определившего (в газете «Завтра») территорию России как *«священное пространство»*.

«Следовательно – делает вывод Дм. Тренин, – пока рост был естественным, любое расчленение составного целого, как постоянно предупреждали российские теоретики, было бы не только противоестественно или равносильно святотатству, но и неизбежно приводило к катастрофическим последствиям».

Так, с опорой на философов, вводится представление о некоем «естественном росте» – который, видимо, в какой-то момент перестал быть таковым. Однако знания этого момента сразу начинает не хватать, без этого непонятно как оценивать приведенную в следующем же абзаце реакцию западного политика XX века:

«Страны Западной Европы традиционно смотрели с подозрением, иногда со смешанным трепетом, на территориальные особенности расширения Российского государства, которое они воспринимали как огромный географический навес.

“На протяжении веков, – писал Генри Киссинджер, – империализм был основной внешней политикой России, поскольку он расширился от региона вокруг Москвы до берегов Тихого океана, ворот

Ближнего Востока и центра Европы, безжалостно подчиняя более слабых соседей и стремясь запугать тех, кто не находится под его прямым контролем”».

И тут Дм. Тренин, оставаясь, разумеется, совершенно нейтральным, снова переходит к цитированию геополитиков – Николая Данилевского (грезившего о «славянском союзе» со столицей в Константинополе) и «русского генерала» Андрея Николаева (очень кстати – бывшего Зам. министра безопасности РФ), утверждавших, что **случаи агрессии и аннексии являются крайне редкими в российской истории**, что русский народ **никогда не осуществлял угнетения других**; вместо этого он заселил пустоши, мирно ассимилировал другие этнические группы и предложил им военную защиту, и что **даже прямые завоевания были вызваны, по сути, потребностями России в безопасности и «освоении».**

Дм. Тренин, отмечу еще раз, тут ни при чем – он просто цитирует. И вслед за тем обозначает предмет рассмотрения:

«Мы поставим вопрос о том, страдает ли Россия от территориальной одержимости и неразрывно ли связана зарождающаяся российская идея, как и старые мифы о миссии России, с определенной формой границ страны».

Выводы же, полученные в итоге рассмотрения, таковы.

«Российская территориальная экспансия была обусловлена географией, историческими обстоятельствами и особым менталитетом Российских лидеров, будь то великие князья, цари, императоры или коммунистическая номенклатура. Все они считали Россию практически одинокой в мире, страной, которая могла полагаться только на себя и должна быть могущественной, чтобы добиться успеха, и большой, чтобы встретить врага как можно дальше от ее жизненно важных городских центров. /.../

Кроме того, в ее восточном продвижении русский экспансионизм был тесно связан с мессианской исключительностью и изоляционизмом. В Средней Азии и на Кавказе Россия выполняла свою версию гражданской миссии, не отличающуюся от таковой Франции или Великобритании».

Как мы видим, прямых ответов на поставленный вопрос о «территориальной одержимости» и связи «российской идеи» с географией страны в выводах нет. А что же есть?

Давайте разбираться в приведенном.

Положения труда Дм. Тренина	Выводы из документированной фактологии
Менталитет российских лидеров, <i>«будь то великие князья, цари, императоры или коммунистическая номенклатура»:</i> <i>«Все они считали Россию практически одинокой в мире, страной, которая могла полагаться только на себя и должна быть могущественной, чтобы добиться успеха, и большой, чтобы встретить врага как можно дальше от ее жизненно важных городских центров»</i>	Великие князья «всёя Руси» появились (как «Владимирские») в начале XIV в. До конца XV в. к ним никоим образом не применимо сказанное, никакой «одинокой России» в их сознании существовать не могло, поскольку полтора века шла смертельная междоусобная вражда (тверских и московских князей, в основном) за приобретение в Орде ярлыка на великое княжение. Только во 2-й половине XV в., после победы Василия II над Дмитрием Шемякой, идея централизации стала преобладать в Московии – Руси над насущными междоусобными проблемами. А указанный менталитет проступает лишь в 1492 г., когда митрополит Зосима объявляет Москву «новым градом Константиновым». Картина вечно «одинокой в мире» и «могущей полагаться только на себя» России никоим образом не соответствует фактам. Всю историю Русь – Россия постоянно вступала – как и другие страны – в союзнические отношения как с восточными соседями против западных, так и наоборот, а также входила в те или иные союзнические блоки. Очевидно, что мы имеем дело с манипулятивной риторикой, создающей оправдательный контекст экспансионистской политики.
<i>«Кроме того, в ее восточном продвижении русский экспансионизм был тесно связан с мессианской исключительностью и изоляционизмом»</i>	Мотивы русского экспансионизма в восточном направлении были совершенно различными на протяжении XVI-XX вв. Так, всё вековое продвижение русских людей на Восток с конца XVI в. было обусловлено причинами чисто экономическими: поиском и добычей «мягкой рухляди», ценных мехов, прежде всего, соболей, выполнявших в то время функцию валюты [Наука в Сибири. N 45 (2231) 19.11.1999. – http://www.nsc.ru/HBC/article.phtml?nid=165&id=19]. Покорение Средней Азии в XIX в. носило типичный империалистический характер – как, впрочем, и захват Польши. Какое-либо отношение к мессианству имели лишь попытки экспансии на Балканах. Ссылка на «мессианство» имеет оправдательный окрас, ретуширующий «низкие» мотивы, присущие как бы совсем другим империям.
<i>«В Средней Азии и на Кавказе Россия выполняла свою версию гражданской миссии, не отличавшуюся от таковой Франции или Великобритании».</i> (Здесь, говоря о «гражданской миссии», автор зачем-то торопится сослаться на подразумеваемую «норму» – прием, широко используемый Путиной пропагандой для оправдания аннексий.)	В издании [Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008] изложены факты о данной «гражданской миссии», представлявшей покорение среднеазиатских ханств сначала для создания «буферных зон», а затем и с целью расширения податных территорий. Когда же население восставало против вассальных правителей, переносивших на него тяжесть дополнительных поборов, оно усмиралось карательными экспедициями. Пример из истории покорения Кокандского ханства: <i>«Важнейшие населенные пункты ханства были оккупированы русскими; туркестанские власти захватили в плен основных руководителей газавата, часть которых была казнена. Отдельные очаги сопротивления были подавлены с предельной жестокостью. Туркестанский генерал-губернатор был даже вынужден издать специальное распоряжение, чтобы остановить немотивированные расправы над местным населением».</i> А вот свидетельство того времени про карательную операцию по усмирению Андижана: <i>«Победа стоила нам незначительных потерь: кроме 2 офицеров, раненных 4-го и 7-го января (хорунжий Бояльский и штабс-капитан Садырев), в день штурма мы потеряли 2 нижних чинов убитыми и 6 нижних чинов и 1 джигита ранеными. /.../</i> <i>Общую цифру потерь, понесенных неприятелем в этот и следующий за ним дни, трудно определить даже приблизительно, но во всяком случае она громадна: по показаниям аксакалов, множество семейств погибло под развалинами сакель и от пожара в ямах, в которые они забились. /.../</i> <i>Но так как жители еще не явились с изъявлением покорности, то 9-го числа вечером, был возобновлен по городу артиллерийский огонь, продолжавшийся до следующего утра»</i> – глава «Военные действия в бывшем Кокандском ханстве с 25-го декабря 1875 года по 7-е февраля 1876 года» [История Андижана в документах и материалах (1876–1917 гг.). Т. 2. Ташкент. 2012. С. 68]. И здесь «гражданская миссия» – элемент манипулятивной риторики, создающей оправдательный контекст хищническому имперскому экспансионизму.

Теперь с трудом, но можно уловить, на что именно направлен тщательно завуалированный месседж рассматриваемой главы: в ней Дм. Тренин пытается опровергнуть тезисы Киссинджера о том, что *«империализм был основной внешней политикой России»* и что расширялась она *«безжалостно подчиняя более слабых соседей и стремясь запугать тех, кто не находится под его прямым контролем»*. И делает он это – подводя читателя манипулятивной риторикой – к озвученным перед этим тезисам «патриотических» идеологов Николая Данилевского и Андрея Николаева.

Конструктивные элементы концепции

Теперь, зная начальную и конечную точки смысловой траектории «пространственного измерения», попробуем отыскать ее промежуточные опорные точки в составных его частях.

Текст состоит из следующих разделов (пунктов):

1. Географические факторы территориального расширения.
2. Модели расширения:
 - 2.1. Модель собирания земель
 - 2.2. Модель смещения границ (колонизация)
 - 2.3. Модель стратегических границ
 - 2.4. Модель восстановления
 - 2.5. Мир без границ: революционная аберрация

3. Последствия «пространственного синдрома»

4. Затраты на территориальную экспансию

Пункт 1. Мы имеем следующие тезисы:

«Из-за отсутствия естественных защитных барьеров имело стратегический смысл встретить врага как можно дальше от основной территории. Изначально территориальная экспансия была вызвана чистой необходимостью выживания. /.../

Таким образом, русские научились компенсировать свою первоначальную географическую уязвимость территориальной экспансией. Со временем это "укрепление границ" стало эвфемизмом для приобретения все новых и новых земель – во имя самообороны, но в целях возможного контрнаступления или простого наступления. Поскольку потенциальные противники были повсюду, русским пришлось организовать круговую оборону. /.../

Этот образец расширения ни в коем случае не уникален для России: возьми, например, Франция в 15-17 вв.».

Итак – «территориальная экспансия» имела целью «самооборону», «поскольку потенциальные противники были повсюду». Это вымысел: как уже было отмечено, покорение Сибири, а также среднеазиатских ханств никакой «самообороной» объяснено быть не может; сравнение с Францией 15-17 вв. настолько надуманно, что даже непонятно, что именно автор имел в виду.

Пункт 2.1. «Собирание земель».

«Эта древнейшая модель традиционно применялась к русским и восточнославянским территориям. Она прошел через три фазы, которые можно рассматривать как три отдельных исторических мотива:

- а) XIV-XVI вв.;*
- б) XVII – XVIII вв.;*
- в) 1930-1940-е гг.*

Первым этапом было становление Великого Российского государства. За 200 лет, с начала XIV по начало XVI века, московским князьям, а затем и великим князьям удалось "собрать русские земли". Они скупали, аннексировали с помощью вооруженной силы или иным образом приобретали территорию других русских княжеств. В результате вся Северо-Восточная Россия, прежде раздробленная, была объединена со столицей в Москве. Это создало новую идентичность. С конца 15-го и особенно с 16-го веков слово "Россия" стало широко использоваться. Первый этап консолидации русских земель был важной частью процесса построения централизованной монархии, характерной для многих других стран Европы».

Зададимся вопросом: а что, собственно, расширялось по модели «собирания земель», которая «традиционно применялась»? Ответ может быть только один: власть и владения Московских князей. Собственно, слова «власть» и «владение», являясь однокоренными, могли обозначать в то время одно и то же, как это отмечено В. Ключевским. Московский князь, используя Орду, завоевывал и захватывал всеми способами соседние княжества. Да, историки будущего назовут это «собиранием земель», но ведь Дм. Тренин создает впечатление, что у Московских князей действительно была такая мотивация – «собрать русские земли»: им это «удалось»!

Между тем, ничего подобного в мыслях Московских князей до второй половины XV в. не было и быть не могло. Вся историю Русских земель составляют войны между княжествами, и потому утверждение

некоторых историков о том, что монгольское нашествие нанесло удар «единству Киевской Руси» носит сказочный характер, наоборот:

«...Земля Русская была коллективной собственностью этой весьма, к моменту вторжения Батыя, разветвленной семьи <Рюриковичей – А.М.>. Появление внутри нее отдельных, конкурирующих родов – Мономашичей, Ольговичей, Ростиславичей, накладываясь на противостояние городов-полюсов, с которыми эти роды начали отождествляться, – делали крайне маловероятной перспективу возникновения единого Русского государства. Если бы не вторжение Батыя...

Парадокс в том, что постепенно Орда начинает обеспечивать режим наибольшего благоприятствования всего лишь для одной ветви одного рода – Калитичей – Мономашичей» [Тараторин Д.Б. Русская власть. Опыт деконструкции. Москва; Берлин. 2020].

О том же самом пишет в статье «Почему Россия отстала от Европы» [Сноб, 26.12.2013] и Николай Усков: *«Если бы не Золотая орда, то эти земли продолжали бы мельчать при бесконечных семейных разделах и усобицах, пока не достались бы Польше или Господину Великому Новгороду. Тогда бы русская история выглядела совершенно иначе. Даже не понятно, как бы эта история называлась и где бы находился ее центр или центры. Ведь единого государства могло и не сложиться. Но в 1327 году московский князь Иван Данилович Калита во главе татарско-московского войска сжег взбунтовавшуюся против Орды Тверь и в награду получил от хана ярлык на великое княжение Владимирское, хоть являлся младшим в роде и по всем обычаям рассчитывать на него никак не мог. Владения Калиты в этот момент были меньше нынешней Московской области. Но точка невозврата была пройдена: с тех пор московским князьям как наместникам татар предстояло подчинить себе русские земли, а затем вступить во владение и обширным наследством Золотой орды, когда сама Орда во второй половине XV — начале XVI веков распалась на несколько ханств. Так степь возвращала свои долги за столетия кровавых стычек и разорений»* – <https://snob.ru/selected/entry/69908/>

Таким образом, модель «собираения земель» была для «собираателей» обычным для того времени завоеванием и подчинением по законам «дарвиновской» борьбы за выживание. И только со второй половины XV в. к борьбе за выживание добавился новый мотив, связанный с идеями преемственности «Московия-Русь – Израиль» и «Москва – Иерусалим».

Пункт 2.2. «Модель смещения границ (колонизация)».

Описывая эту модель, которая «эксплуатировалась с 16 по 19 века и применялась в Сибири и на Дальнем Востоке, в северном Казахстане и на Дону-Кубани», Дм. Тренин подтверждает, ссылаясь на ту же работу Данилевского «Россия и Европа»:

«Это правда, что Россия приобрела больше земель в результате относительно мирной колонизации, чем в результате прямого завоевания».

Мнение же Данилевского мы уже знаем из более ранней сноски:

«Данилевский признает, что “только Туркестан, Кавказские горы, пять или шесть районов Закавказья и, возможно, Крым” были фактически завоеваны Россией».

Не имея возможности рассматривать сейчас вопрос о том, что кроется за «относительно мирной колонизацией», обратим, однако, внимание, что завоевание Сибирского ханства Кучума (1563—1582) у Данилевского вообще не упомянуто, и Дм. Тренин, видимо, не случайно называет его «присоединением». А по поводу характера колонизации других сибирских территорий, процитируем Википедию («Покорение Сибири»):

«В дореволюционной литературе и в первые советские десятилетия для процесса вхождения этих территорий в состав России использовался термин завоевание или покорение. Так в 1771 году была опубликована работа И. Е. Фишера «Сибирская история с самого открытия до завоевания сей земли российским оружием». Первые сибирские летописи носили название «О покорении Сибири» (Пустозерская летопись) и «История покорения Сибирского царства» (Бузуновская)».

Перейдем к подпункту «Модель стратегических границ». Она не оставляет уже никаких сомнений в наличии идеологических мессенджеров. Пройдемся по нескольким тезисам.

Пункт 2.3. «Модель стратегических границ».

«Предполагаемая угроза передачи Афганистана в контролируемую США «зону», вероятно, была одним из решающих факторов в пользу советского военного вмешательства там в декабре 1979».

Здесь озвучивается как бы «неофициальная» советская версия, с момента ввода войск распространявшаяся в населении через парторганизации, и в более концентрированном виде звучавшая так: *«Если бы мы не вошли в Афганистан, туда вошли бы американцы».*

На самом же деле, источником дестабилизации в Афганистане, имевшего с XIX века статус нейтрального буферного государства, с самого начала были политические игры Кремля с марксистско-ленинской партией Афганистана НДПА. Вот как описывает суть этого процесса эксперт:

«Советское руководство всё устраивало. За мизерную плату в несколько десятков миллионов рублей (в качестве помощи со стороны СССР) королевский Афганистан никогда не позволял зарубежным государствам иметь военные базы на своей территории, а советское правительство могло не переживать за надёжность границы протяжённостью 2 тысячи километров. Аналогичная ситуация сохранилась и после того, как к власти пришёл Мухаммед Дауд и провозгласил республику. Но хочу подчеркнуть, что именно в этот момент власть в Афганистане ослабла, появилась Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА), и Союз потихонечку начал ввязываться в игру, правил которой он по большому счёту не знал.

*В Политбюро неоднократно вставал вопрос, нужно ли вообще поддерживать эту партию. С одной стороны говорилось, что это наши союзники. Они проведут социалистическую революцию, что поможет Афганистану стать «второй Монголией» и перепрыгнуть из феодализма в социализм. Данную позицию лоббировал **Суслов**. С другой стороны – Афганистан уже давно зарекомендовал себя в качестве надёжного союзника. Эту идею поддерживал **Громыко**. /.../*

*После свержения Дауда к власти пришёл **Мухаммед Тараки**. Он неоднократно пытался склонить Союз к введению своих войск, но ему ясно давали понять, что наша страна не готова идти на такой шаг. В принципе, кандидатура Тараки не вызвала неприязни у СССР, его почитали за своего человека, но когда он был убит **Хафизуллою Амином**, то произошёл перелом. Почему? Когда свергли Тараки, **Брежнев** лично поздравлял Амина с тем, что он стал главой Афганистана, и лично попросил его, чтобы Тараки не трогали, но его убили. Кроме того, Амин начал проводить политику по снижению накала напряжённости в отношениях с США и налаживанию понимания с Пакистаном, что, в свою очередь, очень сильно озадачило советское руководство. /.../*

Мы изначально ввязались в авантюру с НДПА, а потом нас просто как в воронку затягивало. Решение о вводе советских войск в Афганистан стало финальным этапом» – <https://aif.ru/politics/world/1404578>

Но самые «неоднозначные» интерпретации «расширения» начинаются с рассмотрением Второй мировой войны. Сначала «модель стратегических границ» обнаруживается в захвате Польши:

«Вместо того, чтобы полагаться на антисоветские буферы, чтобы противостоять давлению Германии, что было бы невозможно в любом случае <сноска: Летом 1939 года поляки опасались советского экспедиционного корпуса, который защитит их от немцев так же сильно, как и самих немцев, что было вполне разумно в свете опыта прибалтийских государств в последующие месяцы>, он предпочел укрепить собственную оборону России в секретном соглашении с Германией о разделе Восточной Европы (пакт Молотова-Риббентропа от августа 1939 г. и Советско-германский договор от сентября 1939 г.)».

Здесь как бы между делом дается понять, что «предпочтение» Сталина соучастия в агрессии не имело альтернативы.

А затем очередь испытывать на себе «модель стратегических границ» в интерпретации Дм. Тренина наступает для Финляндии:

«В конце ноября 1939 года, также в соответствии с секретным соглашением с Гитлером, Сталин начал наступление на Финляндию после того, как правительство Хельсинки отклонило советское предложение о территориальном обмене, в результате которого Ленинград оказался бы вне досягаемости артиллерийского огня Финляндии <сноска: Советско-нацистское соглашение не требовало повторного включения Финляндии в состав СССР. Действия Сталина были мотивированы чисто стратегическими соображениями: если бы финны в кратчайшие сроки согласились на предложенный территориальный обмен, войну можно было бы предотвратить. Но Сталин очень

торопился>. Последовала война, в которой Красная Армия понесла 250 000 жертв, но вынудили Финляндию согласиться на передачу СССР еще большей территории (Восточная Карелия и перешеек), причем без компенсации».

Эта тирада об отказе Финляндии от «территориального обмена, в результате которого Ленинград оказался бы вне досягаемости артиллерийского огня Финляндии), в точности воспроизводящая версию советских учебников, призвана создать впечатление о том, что Финляндия отказалась учитывать обоснованные «мирные» предложения СССР. Обратите внимание: автор проговаривает про некий предполагаемый «артиллерийский огонь Финляндии», предлагая поверить в реальность подобного опасения, хотя никаких угроз со стороны Финляндии, имевшей с СССР мирный договор 1920 года и пакт о ненападении 1932 (подтвержденный в 1936), разумеется, не имелось.

А вот, например, как на самом деле шли эти переговоры по территориальным требованиям, предъявленным СССР Финляндии, 14.10.1939 (напомню: стратегический полуостров Ханко находится в 400 км от Ленинграда):

«П а а с и к и в и. Сдача в аренду полуострова Ханко и уступка территории на Карельском перешейке являются исключительно трудными вопросами.

С т а л и н. На самом деле это не так страшно. Посмотрите на действия Гитлера. Граница в районе Познани проходила, по его мнению, слишком близко от Берлина, и он отодвинул ее на триста километров.

П а а с и к и в и. Мы хотим продолжать жить в мире, оставаясь в стороне от всех конфликтов.

С т а л и н. Это невозможно.

П а а с и к и в и. Каким образом ваши предложения согласуются с вашим знаменитым лозунгом: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим?»

С т а л и н. Я скажу вам. В Польше мы не захватывали иностранную территорию. И теперь речь идет только об обмене» [Таннер В. Зимняя война. М. 2003 – http://militera.lib.ru/memo/other/tanner_v/02.html]

Дальнейшее известно: обстрел 26.11.1939 якобы со стороны Финляндии советской пограничной заставы и – немедленное развертывание СССР плана по насильственной смене правительства Финляндии марионеточным правительством, уже имевшим готовый план соглашения об изменении границы:

«В Москве посол Финляндии Ирье-Коскинен был вызван в Кремль, где ему заявили, что финны открыли артиллерийский огонь по советской пограничной заставе в Майниле, убив четырех и ранив девять человек. Ирье-Коскинен предложил провести расследование в соответствии с давно принятой обеими государствами процедурой, но это оказалось бесполезным. Москва собственноручно позаботилась о casus belli (повод к войне). На следующий день Молотов заявил финскому послу, что его правительство больше не считает себя связанным договором о ненападении, и в конце месяца русские развернули крупномасштабные военные действия превосходящими силами на земле, в воздухе и на море. Теперь всем стало ясно, что народу Финляндии придется вести борьбу за выживание. Создавалось такое впечатление, будто русские решили повторить германский сценарий blitzkriega в Польше»

[Энгл Э. Паанен Л. Советско-финская война. Прорыв линии Маннергейма. 1939—1940. М. 2004 – https://www.mnogobook.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/180422/fulltext.htm]

«Это соглашение показывало, что вторжение было тщательно подготовлено заранее. Лишь тогда в Финляндии поняли, что целью войны было установление в стране большевистского режима. Советские военные, вероятно, полагали за неделю пройти парадным маршем до столицы, получая приветствия как освободители. Мы получили некоторую информацию об этом правительстве, которое появилось ниоткуда с миссией сделать Финляндию счастливой. Пропагандистские листовки дают понятие о его составе: “На основании соглашения между левыми партиями и финскими солдатами – участниками восстания сформировано Народное правительство Финской Демократической Республики 1 декабря 1939 года”. Его премьер-министром и министром иностранных дел стал революционер О.В. Куусинен, который бежал из Финляндии в 1918 году» [Таннер В. Там же].

На этих двух примерах Афганской и Советско-Финской войн мы видим отчетливое стремление придать, с привлечением якобы объективных «географических факторов», хоть какие-то «цивилизованные» черты все тому же империалистическому хищничеству и вероломству.

Но в конце подпункта нас ждет еще один сюрприз:

«Эта модель все еще нравится большинству российских сторонников сильного государства, или державы. Влиятельные российские официальные лица считают, что сохранение Россией статуса великой державы является основным интересом национальной безопасности, который необходимо защищать любой ценой. Мнение о том, что Россия должна использовать Содружество Независимых Государств в качестве ряда буферных стран под влиянием Москвы, является предпочтительным сценарием для основной части российской политической элиты».

Фактически, это предупреждение о том, чего следует ожидать в будущем как нечто вполне естественного – «мы тебя зарежем, но не больно». СНГ – как «буферные страны под влиянием Москвы» в контексте рассмотренных эпизодов с Афганистаном и Финляндией – это очередное оформление благопристойной риторики традиционного российского империализма. Быть сторонником «сильного государства» – это ведь совершенно естественно? Ну, так готовьтесь к тому, что СНГ может разделить судьбу Афганистана и Финляндии. Мы не злые – просто география и история наши этого требуют... Такие уж мы скифы «с раскосыми и жадными очами»...

Пункты 2.1 – 2.3 «моделей расширения» полностью соответствуют, таким образом, обнаруженной ранее смысловой траектории.

И хотя задача наша по деконструкции тезисов о «естественном расширении» и «естественных границах» таким образом выполнена, затронем еще **Пункт 4** (Затраты на территориальную экспансию).

Здесь привлекают внимание две детали. Первая – это утверждение о том, что *«Иван Грозный боролся с боярством за централизацию государства»*. Это расхожий миф, прикрывающий «европейским» занавесом очень важную сущность чисто российского явления, которое мы рассмотрим в **Части 3**.

А вторая – это пример подтасовки, причем, кощунственной:

«Первая чеченская война в современной России унесла жизни 3,500 солдат, а вторая – за первый год 2,500. Не оспаривая эти факты, современные “государственники” рассматривают это как неизбежную цену, которую стоит заплатить за обеспечение национального выживания» (со ссылкой на упомянутые «записки русского генерала» Андрея Николаева).

Понимал ли тогда англоязычный читатель, которому адресовался этот пассаж про «неизбежную цену», поймет ли нынешний обучаемый на курсе профессора, что от них фактически скрывают самое страшное – то, что в «чеченских войнах» гибли, в основном, не «солдаты», а мирные российские граждане? Что учета погибшим гражданам никто официально не вел? Что общественная организация «Мемориал», собиравшая данные о погибших, оценивает их не менее чем в 30 000 человек?..

Раздавленное лего-благолепие

Вспомним, что в начале своего текста Дм. Тренин ставит перед собой вопрос: *страдает ли Россия от территориальной одержимости и неразрывно ли связана зарождающаяся российская идея, как и старые мифы о миссии России, с определенной формой границ страны?*

Наш разбор показывает, однако, что Дм. Тренина волновал не столько поиск истины, сколько создание «правильного» впечатления у читателя, что целью работы, хотя и не высказываемой прямо, являлось развенчивание достаточно распространенного и вполне обоснованного взгляда на Российский империализм, который – напомним цитату из Киссинджера, *«расширился от региона вокруг Москвы до берегов Тихого океана, ворот Ближнего Востока и центра Европы, безжалостно подчиняя более слабых соседей и стремясь запугать тех, кто не находится под его прямым контролем»*.

Я уверен, что Дм. Тренин, нынешний многолетний директор Московского центра Карнеги, делал это из самых лучших побуждений. И книга его, первую часть которой я анализировал выше, не случайно

была когда-то предложена в качестве основной литературы данного курса. Она получила, в свое время, высокую оценку президента Фонда Карнеги за Международный Мир Джессики Т. Мэтьюз:

«Дмитрий Тренин является в первую очередь специалистом по российской внешней и оборонной политике. Его книга «Конец Евразии: Россия между геополитикой и глобализацией», изданная несколько лет назад Фондом Карнеги, признана во всем мире в качестве основополагающего труда...».

Но вот только через 3 года после ее издания случился Беслан, и «лучшие побуждения» ее автора были поставлены под сомнения самой реальностью, что видно из следующего с ним интервью на **Полит.ру**, озаглавленного **«Надеюсь, что это не позиция президента»**:

– В «бесланской» речи президента присутствовали некие неназванные силы: одни – которые хотят отхватить от России «жирный кусок», другие силы – которые с сочувствием за этим наблюдают и которым, видимо, мешает ядерный статус России. Как бы Вы интерпретировали, о ком идет речь в первом случае и о ком – во втором? Если вообще имелось в виду что-то определенное.

– Я надеюсь, что многое в этих словах президента является результатом того колоссального напряжения, в котором президент находился во время бесланских событий.

Я хотел бы думать, что это ответ на ту критику, которая сейчас раздается по разным направлениям с Запада в отношении тенденций, наметившихся во внутренней политике президента, на предложения сделать соответствующие выводы о том, что нужно изменить рейтинг России и вообще перевести ее в другую категорию — не категорию стран, примыкающих к Западу, вместе с Западом составляющих т.н. «новый свободный мир», а в категорию стран, похожих, скажем, на Китай, но меньше, слабее и все прочее, то есть рассматривать как страну, с которой у Запада нет и не будет общности ценностей.

Я бы хотел надеяться, что это так, потому что предполагать другое — это значит думать, что президент изменил свою принципиальную оценку Запада как силы, не враждебной России, как сообщества, с которым Россия сближается, интегрируется в различных областях, сохраняя, конечно, свою независимость, суверенитет и т.д.» – <https://polit.ru/article/2004/10/05/trenin/>

И вот сейчас, спустя еще 17 лет, когда давным-давно уже отпали всякие сомнения насчет того, как оценивает Запад президент Путин, когда «лакировка» Российской истории для снятия настороженности Запада в отношении России потеряла какой-либо оправдывающий контекст, использование данного текста Дм. Тренина в учебных целях выглядит еще более странно, чем ранее. Реальность грубо наступила на столь перспективную легио-конструкцию и раздавила ее – вот, жаль, профессор этого не замечает.

Часть 2. «Модернизация» истории

Нельзя сказать, что в курсе совсем уж игнорировалась историческая наука. Но поскольку его концептуальным подходом было рассмотрение России как «модернизационного проекта», ведущего свой отсчет от «зажатой между Литвой и татарами» Московии Ивана Грозного, то и историческую науку мы встречаем в «модернизированном» виде. Так если Ключевский пишет, что «история России есть история страны, которая колонизируется», поясняя в следующем же предложении, что «область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией», то в лекции используется уже «редуцированный» А. Эткиндоном вариант: «Россия колонизировала саму себя», или даже вариант «Россия покоряла саму себя». Мизерная, казалось бы, модификация – а какой эффект! У Ключевского не сказано кем-чем Россия колонизируется, а тут – да вот же – ею же самой! Покоряется сама собой! То есть, никто не только не пострадал, но и пострадать-то не мог!..

Следующий тезис – «Россия оказалась заложником собственной территории»...

Модель, которая нам в результате навязывается, следующая. Господь послал ни в чем не повинной России испытание – ее территорию. Пришлось ее колонизировать. Эта тяжелая обязанность сформировала определенный тип власти и государства. Понятно, что абсолютистского. Ну, так и в Европе в это же время такие же государства формировались. Значит – и в России это была модернизация (как в Европе), пусть и «догоняющая»...

Эта модель взаимосвязи «Российского государства и Российского пространства» – контрапункт всего курса, как ни нелепо она может выглядеть с позиций «традиционного» знания. Впрочем, после концепций Носовского-Фоменко уже трудно чем-либо удивить...

Но, оказывается, у Носовского-Фоменко был таки один зарубежный предшественник, и именно его труд стал вторым опорным «пособием» курса – я перехожу к **«Политическим традициям московитов»** Эдварда Кинана, [Keenan, Edward. "Muscovite Political Folkways", The Russian Review, Vol. 45, No. 2, 1986, pp. 115-181].

Роковой просчет Госдепа

Итак, мы начнем с того, что Э. Кинан прославился задолго до печально знаменитой «Новой хронологии» Носовского-Фоменко своей работой 1971 года **«Апокриф Курбского-Грозного: происхождение "переписки", приписываемой князю А. М. Курбскому и царю Ивану IV»**, где он доказывал, что данная переписка является подделкой, «политическим памфлетом» князя С.И. Шаховского XVII века... И он отстаивал эту «поддельность» до конца своей жизни, ибо подлинность переписки сводила бы на нет ту его концепцию, которая отражена в упомянутых «Политических традициях московитов».

Поэтому, прежде чем мы перейдем к анализу этого труда, полезно будет познакомиться с развернутой оценкой «Апокрифа», данной известным современным историком эпохи Ивана Грозного [Филюшкин А.И. Андрей Михайлович Курбский. М. 2010]:

«В 1971 году вышла сенсационная книга Кинана: ученый поставил схему развития переписки с ног на голову. Он утверждал, что взгляд на сочинения Курбского как источник заимствований для произведений Исайи, Хворостинина, Шаховского глубоко ошибочен. Напротив, именно князь Шаховской, будучи в опале, в 1623 – 1625 годы вырезал различные отрывки из сочинений Исайи и Хворостинина и "сшил" их в новое произведение, которое хотел отослать царю Михаилу. Однако государь снял опалу, и Шаховской, опасаясь, что гневное письмо его скомпрометирует, "замаскировал" свой труд под послание князя Курбского царю Ивану Грозному, якобы написанное в 1564 году. Мистификация понравилась, и в 1620 – 1630-е годы либо сам Шаховской, либо кто-то из его друзей сочинил "ответ Грозного Курбскому". А затем фальсификаторы придумали весь комплекс писем и "Историю о великом князе Московском". Получается, что все эти произведения были созданы в XVII веке. Ни Курбский, ни Грозный, по мнению Кинана, никогда ничего подобного не писали [Keenan E. L. The Kurbskii – Groznyi Apocrypha: The seventeenth century Genesis of the Correspondence, attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Harvard, Cambridge, Massachusetts, 1971].

У книги Кинана завидная судьба. Дискуссия о ней продолжается и поныне, вот уже более 30 лет. Для ее опровержения вышло несколько десятков статей в России, США, Германии, Великобритании, Франции и даже две монографии – в России и Дании (!) [Rossing N., Ronne B. Apocriphal – nor Apocriphal? A Critical Analysis of the Discussion Concerning the Correspondence Between Tsar Ivan IV Groznyj and Prince Andrej Kurbskij. Copenhagen, 1980; Скрынников Р. Г. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973. Перечень рецензий и откликов на работы Э. Кинана см.: Филюшкин А. И. Андрей Михайлович Курбский... С. 165 – 166]. Все основные пункты концепции американского слависта были опровергнуты, однако некое смятение в умах (особенно в зарубежной историографии) он породил. Западные слависты не то чтобы согласны с Кинаном – его аргументация не выдержала критики оппонентов, – но с подозрением относятся к аутентичности переписки по принципу: «Нет дыма без огня».

Конечно, сказался и стиль ведения Кинаном дискуссии – вплоть до начала 2000-х годов он резко и напористо реагировал почти на каждый выпад в свой адрес, помещая многочисленные опровержения. Некоторые исследователи просто не решались с ним связываться. В конце концов активность Кинана доказала ошибочность поговорки: «Сколько ни говори „халва“, во рту сладко не станет». Кинан столь одержимо твердил на страницах всей мировой научной периодики, что переписка Грозного с Курбским – подделка, что в конце концов «стало сладко»: многие ученые заняли уклончивую позицию: они открыто не поддерживали Кинана, но в то же время и не соглашались и с его критиками. Проблему подлинности переписки старались обходить стороной, потому что, «с одной стороны, нельзя не согласиться», но «с другой – невозможно не признать».

Тем не менее большинство исследователей продолжали использовать переписку в качестве главного источника по истории России XVI века. Здесь исследования Кинана сыграли положительную роль: для

его опровержения был отоброшен весь цвет российской исторической и филологической науки. В 1979 году в серии “Литературные памятники” вышло подготовленное на самом высоком научном уровне переиздание переписки (его подготовили Ю. Д. Рыков, Я. С. Лурье, В. Б. Кобрин под общей редакцией академика Д. С. Лихачева) [Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. текста Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыкова. Л., 1979]. Б. Н. Морозов обнаружил древнейший список ППК, датируемый концом XVI – началом XVII века и тем самым опровергающий все построения Кинана: он появился задолго до сочинений и Хворостинина, и Шаховского [Морозов Б. А. Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI – начала XVII в. // Археографический ежегодник за 1986 г. М., 1987. С. 277 – 288]. Б.Н. Флорей были обнаружены несомненные свидетельства существования переписки в XVI веке: “невежливая грамота” к царю, написанная Курбским, упоминается в русских посольских документах XVI века, подлинность которых неоспорима [Флорей Б. Н. Новое о Грозном и Курбском // История СССР. 1974. № 3. С. 143 – 145]».

Если кто-то предполагает, что эти, мягко говоря, «экзотические» изыскания гарвардского историка происходили в некоем «параллельном» его указанному труду «Политические традиции московитов» измерении, то это отнюдь не так. В последнем он, например, утверждает, что

«Московия, выдающийся практик прагматической политики, замечательный изобретатель административных систем в среде, не подходящей для роста централизованной и разветвленной государственной системы, не разработала никакой функционально значимой или последовательной светской политической идеологии или теории правления»,

ибо

«лишь в конце семнадцатого века в Московии появилась какая-то попытка изложения явных политических принципов в форме “Переписки”, приписываемой Ивану Грозному и князю Курбскому (особенно Первого письма Ивана), и “Истории”, приписываемой Курбскому».

Отсюда вполне логично вытекают и следующие, например, сделанные Э. Кинаном поразительные выводы:

«На мой взгляд, бесполезно искать доказательства влиятельных связей между современной российской или даже московской политической культурой и культурой Киева или Византии. Нельзя, например, продемонстрировать, что в период своего формирования (т.е. 1450-1500 гг.) Московская политическая культура находилась под значительным влиянием формы или практики византийской политической культуры или идеологии. Также нет убедительных доказательств того, что какой-либо могущественный московский политический деятель или политическая группа были знакомы с византийской политической культурой, за исключением, возможно, того, что последняя нашла отражение в ритуалах и организации Православной церкви, которая сама по себе имела мало практического политического значения в ранней Московии и мало формировала влияние на политическое поведение России. (Другое дело, что русские заимствовали из православной традиции некоторые формы выражения своих политических взглядов.) /.../

И русские в более поздние времена считали свои традиции “византийскими”. Но эти факты, на мой взгляд, представляют собой внешние эффекты одной из форм защитного поведения москвичей и не раскрывают ни истоков российской политической культуры, ни ее внутренних закономерностей».

Естественно, если объявить «Переписку» подделкой, то и от огромной роли византийских традиций в политической культуре Московии отмахнуться ничего не стоит. А иначе – никак. Потому что такого рода традиции являются опорой рассуждений первого самодержца и первого страстного идеолога самодержавия Ивана Грозного уже в первом его послании. Только один пример:

«Так же и вы, подобно им, злобесными желаниями одержимы, безмерно жаждете славы, чести, и богатства, и гибели христианства! Так же вот и греки многим странам стали дань платить, а ведь прежде сами ее взымали; потом же из-за неурядиц, подобных тем, которые вы злоумышляете, а не по Божьей воле, сами стали дань платить, и так царствующий град терпел великие невзгоды вплоть до царствования Алексея Дуки Муцуфла, при котором царствующий град захвачен фрягами и оказался в тяжелейшем плену, и так погибло благолепие и красота греческого могущества. Затем Михаил, первый из Палеологов, изгнал латинян из Царьграда и вновь из запустения поднял царство, просуществовавшее до времени царя Константина, прозванного Дрогасом, при нем же явился за

грехи наши, народа христианского, безбожный Магомет, угасил греческое могущество, словно ветер и сильная буря, и не оставил от него и следа.

Посмотри на все это и подумай, какое управление бывает при многоначалии и многовластии, ибо там цари были послушны епархам и вельможам, и как погибли эти страны! Это ли и нам посоветуешь, чтобы к такой же гибели прийти? И в том ли благочестие, чтобы не управлять царством, и злодеев не держать в узде, и отдаться на разграбление иноплеменникам? Или скажешь мне, что там повиновались святительским наставлениям? Хорошо это и полезно! Но одно дело – спасать свою душу, а другое дело – заботиться о телах и душах многих людей; одно дело – отшельничество, иное – монашество, иное – священническая власть, иное – царское правление. Отшельничество подобно агнцу беззлобному или птице, которая не сеет, не жнет и не собирает в житницы; монахи же хотя и отреклись от мира, но имеют уже заботы, подчиняются уставам и заповедям, – если они не будут всего этого соблюдать, то совместное житие их расстроится: священническая же власть требует строгих запретов словом за вину и зло; допускает славу, и почести, и украшения, и подчинение одного другому, чего инокам не подобает; царской же власти позволено действовать страхом и запрещением и обузданием, и строжайшие обуздать безумие злейших и коварных людей. Так пойми же разницу между отшельничеством, монашеством, священничеством и царской властью. И разве достойно царя, если его бьют по щеке, подставлять другую! Это совершеннейшая заповедь. Как же царь сможет управлять царством, если допустит над собой бесчестие? А священникам подобает смирение. Пойми же поэтому разницу между царской и священнической властью! Даже у отрекшихся от мира встретишь многие тяжелые наказания, хотя и не смертную казнь. Насколько же суровее должна наказывать злодеев царская власть!» [Цит. по: Русская социально-политическая мысль XI-XVII веков. Хрестоматия. Под редакцией А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М. 2011. С. 256-257].

Можно только гадать, что являлось для Э. Кинана «движущей силой» в его «разоблачительной» псевдонаучной деятельности, возможно – определенные психические склонности, ибо впоследствии он доказывал также и подложность «Слова о полку Игореве» якобы сфальсифицированного в XVIII в. чешским славистом Й. Добровским. Но если последнее изыскание не было воспринято всерьез и осталось маргинальным, то шумиха вокруг «Апокрифа Курбского-Грозного» дала блестящий результат: автор был выбран Госдепом США для исследования, позволяющего «понять истоки советского мышления и политического поведения» [Сергей Медведев. Вечное сияние тоталитарного разума // НГ-сценарии. 29.05.2018. – https://www.ng.ru/scenario/2018-05-29/9_7234_totalitar.html]. И вот в довершении, эти весьма нетрадиционные «Политические традиции московитов» легли и в основу курса...

Трудно сказать, насколько «Политические традиции московитов» определили политику США в период формирования «новой» российской государственности в 90-е годы прошлого века. Но политика эта постфактум была определена как провальная – достаточно почитать доклад «**Путь России к коррупции**» Консультативной группы спикера по России Кристофера Кокса, председателя Палаты представителей Конгресса США 106-го созыва, 2000 год. А что же ценного нашел у Э. Кинана Сергей Медведев? Вот что им сказано об этом в указанной выше статье:

«...Он не стал рассматривать ни советскую, ни имперскую политическую традицию. Он не говорил ни о Сталине, ни о Ленине, ни о Николае II, ни о Петре Великом. И даже Ивана Грозного оставил в покое. Кинан обратился к политической, экономической традиции и структуре, которые сформировались в восточноевропейском лесу в домосковский и домонгольский периоды.

Кинан пишет, как в условиях климатических и геополитических рисков, постоянных набегов с севера и юга сформировался определенный тип хозяйствования – та самая община, главной целью которой было выживание. А значит, минимизация рисков и понимание того, что один человек, как и одна семья, отдельно выжить не сможет. Жизнеспособна только целая деревня: отсюда делегирование собственности, ответственности, суверенитета отдельного хозяина на уровень деревни, крестьянского мира. Таким образом, считает Кинан, развивался этот коллективистский способ мышления и действия, при котором нет понятия частной собственности, как и института индивидуальной ответственности. Происходило делегирование собственности и ответственности, а в итоге и власти на верхний уровень. Сначала варяжскому князю, затем киевскому великому князю, позже – московскому царю, российскому императору, а там и Советскому государству.

Как мне кажется, сейчас, в XXI веке, этот тип сознания никуда не ушел. В нашем мировоззрении большое влияние имеет такое понятие, как “выживание”».

Делегирование ответственности как необходимое условие выживания в условиях климатических и геополитических рисков? Для принятия этого умозрительного конструкта за политическую традицию, действительно, анализировать исторические документы совершенно не требуется...

Но, кстати, каково место «российского пространства» у Э. Кинана? Мы можем найти единственную констатацию:

«Когда к концу первого тысячелетия христианской эры закончились последние великие домодернистские миграции на евразийском континенте, восточные славяне, как последние не проигравшие в игре «Музыкальные стулья», оказались перед оставшимся выбором – землей на северо-восточной окраине Европы, которую, проще говоря, никто больше не хотел».

И все. Но «намеком понят», и вот уже готова чеканная формула ключевого положения курса:

«Модернизация осуществлялась государством, исполнявшим свои пространственные задачи».

А чтобы не думать о том, какая же сила подвигала Московию «исполнять свои пространственные задачи», вполне достаточно объяснений А. Эткинда и Дм. Тренина: российское пространство само валилось на россиян в качестве бремени...

Возвращаясь к Э. Кинану, заметим, что хотя его концепция и призвана дополнить эту версию какими-то объяснениями природы российской государственности, государственность эта целиком фантазийна:

«...В первые двести лет своего существования Московское государство развило довольно простую, эффективную и даже гармоничную структуру: в центре было небольшое и компактное ядро правящих кланов, или, скорее, одна правящая династия и ее родственники, чьи отношения – единственные действительно политические отношения в мире – были символически выражены в своего рода добровольном фиктивном подчинении самодержавному царю и обеспечены осознанием того, что фикция является центральным элементом тайного сговора против политического хаоса, который бы последовал, если бы клан противопоставлялся клану».

Этот вывод про ***«добровольное фиктивное подчинение самодержавному царю»*** настолько противоречит всему, что мы знаем из документов того времени и основанных на них многочисленных трудов российских историков, начиная с Карамзина, что анализировать «основания», лежащие в его основе (в предположении, что они есть) просто нет надобности. Обнулив «Переписку», содержащую манифест самодержавия, основанный на осмыслении и переосмыслении византийских традиций в их библейском преломлении, Э. Кинан основал свою концепцию на заведомо ложных основаниях, из которых можно вывести вообще что угодно, подогнать к любому «ответу».

Но концепция истории России, начиная с Ивана Грозного, как единого модернизационного проекта – вот для чего оказался чрезвычайно удобным этот труд Э. Кинана. Пусть эту «модернизацию» можно в любой нужный момент снабжать оговорками «поверхностная» или даже «имитационная» – главное, подход этот дает возможность не углубляться в суть, в общественное сознание (которого просто «нет», а есть «идеологемы»). Да вот только если *имитация сущности* (модернизации) рассматривается как ее *разновидность*, значит сущность эта – просто фикция.

А вот, скажем, Николай Бердяев видел вместо «модернизационного проекта» России ее неизбывную **сакральность**:

«Россия – в этом своеобразие ее судьбы – никогда не могла принять целиком гуманистической культуры нового времени, его формальной логики и формального права, его религиозной нейтральности, его секулярной срединности. Россия никогда не выходила окончательно из средневековья, из сакральной эпохи, и она как-то почти непосредственно перешла от остатков старого средневековья, от старой теократии к новому средневековью, к новой сатанократии» [Бердяев Н. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М. 1991. С. 416].

Громоздить фантазийные модели легко – в этом преимущество легио-конструирования. Опровергать их куда как тяжелее – ведь для этого надо привлекать всю имеющуюся фактологию в своей совокупной взаимосвязи. Пока же я просто приведу пару фрагментов из уже упомянутой вузовской хрестоматии [Русская социально-политическая мысль XI-XVII веков. С. 174-175; 186-188]:

«"Послание о Мономаховых дарах" входит в обширный цикл сочинений, посвященных происхождению великих князей Владимирских и Московских и объединяемых (не вполне точно) общим названием – "Сказание о князьях владимирских". В этих сочинениях впервые были зафиксированы письменно две легенды, сыгравшие исключительную роль в становлении официальной Идеологии Русского государства XVI-XVII вв.: о происхождении рода русских государей от римского императора Августа и о поднесении византийским императором Константином Мономахом царских регалий русскому князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху. /.../

Одним из первых, кто применил древние мистические образы "странствующего царства" к настоящему и будущему России, стал и игумен псковского Елеазаровского монастыря старец Филофей (ок. 1465-1542), впервые назвавший Россию "Третьим Римом".

О жизни старца Филофея нам практически ничего не известно, кроме того, что его именем подписано нескольких Посланий – государям Василию III Ивановичу и Ивану IV Васильевичу, а также дьяку М.Г. Мисюрю Мунехину.

Современные исследования показали, что перу старца Филофея бесспорно принадлежит лишь Послание М.Г. Мисюрю Мунехину, написанное в 1523-1524 гг. Послание великому князю Василию III написано позже (до 1526) и, возможно, другим автором. В еще более поздних рукописях имя Василия III в этом Послании иногда заменяли именем его сына – Ивана IV Васильевича Грозного. Третье сочинение, содержащее идею "Третьего Рима", получило название "Об обидах Церкви". Оно возникло в 30-40-е гг. XVI в. И тоже, скорее всего, не принадлежит старцу Филофею. Автором этого сочинения считают анонимного Продолжателя Филофея. Все эти три сочинения, – Послания М.Г. Мисюрю Мунехину, великому князю Василию III, "Об обидах Церкви" – и составляют так называемый "Филофеев цикл".

Само многообразие посланий, приписываемых иноку Филофею, свидетельствует о том, что, едва появившись, идея "Третьего Рима" сразу же стала развиваться и изменяться. Так, уже довольно рано, при переписке Послания дьяку Мунехину, в этих новых рукописях исчезает понятие "Ромейское царство", видимо, не понятое и не принятое многими духовными и политическими российскими кругами. А в важнейшей формуле о падении двух Римов это понятие заменяется на "Российское" царство. В Послании великому князю исчезают все упоминания о "Ромейском царстве" и периодизация христианской истории, зато значительно усилены политическое звучание и авторитетность самой идеи "Третьего Рима". В этом же Послании на основе мистического образа "Третьего Рима" формулируются и конкретные политические задачи, стоящие перед русским государем, – русский государь обязан принять на себя обязанности всемирного православного государя. Интересен еще один факт. Не позднее 80-х гг. XVI в. возникла еще одна, так называемая Вторая редакция Послания великому князю. Здесь появилось определение "Святая Русь", дополняющее и развивающее идею "Третьего Рима", – царь и великий князь объявлялись "брододержателями Святой Руси". /.../

До конца XVI в. идея "Третьего Рима", скорее всего, играла достаточно скромную роль в российской общегосударственной идеологии. Однако на рубеже XVI-XVII вв. эта идея постепенно утвердилась в русской политической традиции как теория "Москва – Третий Рим" и стала обеспечивать идеологическое подкрепление самодержавной власти: русский государь – это православный христианский "царь и владыка всех", "брододержатель святых Божьих престолов", который "вместо римского и константинопольского владык воссиял". Тем самым концепция "Москва – Третий Рим" стала утверждать себя в качестве религиозной историософской доктрины с мессианской идеей особой роли в мире православной "богоизбранной" России как истинного и последнего центра христианства и его защитницы».

Часть 3. Россия как феномен

В двух предшествующих частях, столкнувшись с тем, что вопрос о целостном общественном сознании России был изначально исключен из факторов политического поведения, мы обнаружили, затем, что:

– концепция определяющей роли «российского пространства» в становлении российского государства есть не более чем фантазийное развитие «эффектной» идеологемы: «Россия – заложник собственной территории» – и служит ее теоретическим обоснованием;

– «Россия как модернизационный проект» есть некий концептуальный симулякр, обставленный множеством оговорок и потому принципиально неопровержимый.

Нам **предстоит вернуться в историческую науку**, и начнем мы этот путь со статьи «**Византийское наследие России**» исследователя цивилизаций, выдающегося английского историка А. Дж. Тойнби, в которой он писал:

«В этой долгой и беспощадной борьбе за сохранение своей независимости русские стали искать спасения в тех политических институтах, которые уже принесли погибель средневековой Византии. Полагая, что их единственный шанс на выживание лежит в жестокой концентрации политической власти, они разработали свой вариант тоталитарного государства византийского типа. Великое княжество Московское стало лабораторией для этого политического эксперимента, а вознаграждением за это стало объединение под эгидой Москвы целой группы слабых княжеств, собранных в единую сильную державу. Этому величественному русскому политическому зданию дважды обновляли фасад – сначала Петр Великий, затем Ленин, но суть оставалась прежней, и Советский Союз сегодня, как и Великое княжество Московское в XIV веке, воспроизводит характерные черты средневековой Восточной Римской империи. /.../

Как под Распятием, так и под серпом и молотом Россия – все еще “Святая Русь”, а Москва – все еще “Третий Рим”. Tamen usque recurrent (все возвращается на круги своя)» [Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник. М. 2003/ С/ 380-381].

И еще раз вернулся к этому через много лет в 12-м томе своего главного труда «**Постижения истории**»:

«...Я утверждаю, что Византийская цивилизация все еще жива в душе России и что лежащая под спудом структура византийского государства может всплыть из-под напластований успешно импортированных западных режимов: сперва просвещенной автократии, заимствованной с Запада Петром Великим, а затем коммунистического режима, импортированного Лениным и его соратниками» [Там же. С. 223] .

«Русская вера в святость, Православие и судьбу России пережила принятие Россией Западной цивилизации и после Петра Великого. В эпоху вестернизации она уже дважды отстаивала свои права – каждый раз облачаемая в западную идеологию, она перекраивала ее русскими руками и приспособливала для служения русским целям» [Там же. С. 226].

Здесь использовано очень важное слово – «вестернизация» – как нечто поверхностное, не затрагивающее сути. Различение «вестернизации» (или «европеизации») и модернизации мы видим и в выводах диссертационной работы современного историка:

«1. ...Европеизация России, понимаемая как процесс постоянного заимствования и освоения разнообразного опыта, продуцируемого в XV-XVII вв. западноевропейскими странами, началась сразу в ходе становления единого Русского государства в конце XV – начале XVI вв. Эта европеизация была поверхностной. Она не меняла устои средневекового социокультурного уклада России. Более того, европеизация, проводимая по инициативе государства, а не общества, в конце XV-XVI вв. способствовала усилению государства, полному его контролю над традиционным обществом и личностью. Постоянное заимствование готовых западных “новшеств” не требовало свертывания чрезвычайного доминирования государства над обществом, как не требовало и “эмансипации” общества и реформирования отношений подданничества.

2. Европеизация была не тождественна модернизации. Выбранная ещё Иваном III модель поверхностной европеизации использовалась всеми его преемниками до конца XVII столетия. С одной стороны она способствовала созданию внутренних предпосылок для органической модернизации, но с другой — сокращала нужду государственной власти в поощрении реальной модернизации страны, давая государству более простой способ добиться конкурентоспособности России на международной арене перед лицом модернизирующейся Западной Европы.

3. *Суррогатная природа европеизации заставляла Россию постоянно возобновлять процесс заимствований, ибо ранее полученный опыт мог лишь использоваться и воспроизводиться в России XV-XVII вв., но он не получал саморазвития на русской средневековой почве*» [Черникова Т.В. Процесс европеизации в России во второй половине XV – XVII вв. Автореф. дисс. на звание докт. ист. наук. М. 2014 – <https://www.dissercat.com/content/protsess-evropeizatsii-v-rossii-vo-vtoroi-polovine-xv-xvii/>].

Забудем, далее, «Российский модернизационный проект», как тягостный морок и...

Дорога, указанная храмом

...И вернемся к началу.

Профессор начинал свой курс с обозревания **храма Василия Блаженного, Покровского собора** (собора Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву), возведенного в честь взятия Казани:

«Все купола этого храма – собственно, у каждого из них есть свой престол, это все отдельные стадии осады и взятия Казани. То есть сам по себе храм является символической картой этого действия... То есть, это очень такая символически нагруженная вещь, очень связанная с этим событием русской истории. И вообще, я бы сказал, это вещь, раскрывающая русское пространство вот туда, на восток, в сторону Казани».

Такое представление об этом храме достаточно, видимо, распространено среди экскурсоводов и закреплено, например, в соответствующем издании [Молева Н. Московские тайны: дворцы, усадьбы, судьбы. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006]. Однако его научность сомнительна – это начинаешь понимать, в частности, по многообразию названий храма на старинных картах, где он называется иногда **«Иерусалимским»** или даже **«Иерусалимом»**.

Вот что пишет по этому поводу Татьяна Сарачева, заведующая филиалом Исторического музея «Покровский собор»:

«По последним научным данным, сама идея многопридельного храма принадлежала митрополиту Макарию, задумавшему воссоздать в центре Москвы образ святого града Иерусалима, города в городе, что отвечало идее Третьего Рима» [Сарачева Т. Идея девятиглавого Покровского собора принадлежит митрополиту Макарию // Журнал московской Патриархии / Кириллова Л.И., Минервин Г.Б., Шемякин Г.А.. – М.: Издательство Московской Патриархии, 2011].

Но все по порядку.

Начнем с того, что вид нынешнего 11-верхового собора не имеет ничего общего с тем 9-верховым, постройка которого была завершена в 1560 году. Но и тот уже не соответствовал вот такому первоначальному варианту:

«Стоявшие раньше здесь деревянные церкви, в том числе пришедшую в ветхость Троицкую, царь приказал снести, и на их месте воздвигнул восемь новых: семь деревянных, окружавших восьмую – каменную. 1 октября 1554 года они были освящены тогдашним митрополитом московским Макарием в присутствии царя и его брата Юрия. Таким образом первоначально созданный в память взятия Казани храм представлял из себя не девятиверховой храм (девять церквей на одном общем для всех них основании), а восемь совершенно отдельных одна от другой церквей. Впрочем семь деревянных церквей существовали весьма не долго: Грозный по совету митрополита Макария решил заменить их каменными» [Покровский (Св. Василия Блаженного) собор в Москве. / Сост. Свящ. И.И. Кузнецов. М. 1900. С. 3-4].

И, далее:

«Теперешнее наименование собора: “Покровский и Василия Блаженного, что на Рву” установилось за ним не сразу и не скоро. Сначала он долгое время назывался “Троицею, что на Рву”, “Троицею у Фроловских ворот”, (в воспоминание о бывшей здесь Троицкой церкви), иногда “Троицким, что на Рву (или что у Фроловских ворот) и Покровским”. Назывался и Иерусалимским (по своему Входу – Иерусалимскому приделу; по Иерусалимскому ходу, – торжественному шествию на ослати в этот придел в Вербное Воскресенье... и по некоторому сходству с Иерусалимским храмом Воскресения)» [Там же. С. 10].

Итак, мы вдруг обнаруживаем, что эта «очень символически нагруженная вещь» посвящена лишь на первый взгляд победам над ханствами (хотя именно этот мотив, очевидно, был изначально определяющим); в ней кроются символы куда более долговременного и глубинного порядка. Вот что

говорится об этом в фундаментальном труде по русскому искусству (ссылки на первоисточники приведенных в нем цитат опущены):

«Тема города как сложного архитектурного целого пронизывает все сооружение. Она находит отклики в названии западного башинеобразного придела, посвященного празднику “Входа господня в Иерусалим” и непосредственно не связанного со взятием Казани. Этот единственный праздник земной славы Иисуса Христа был использован как символический намек на то, что пережило население Москвы при возвращении в столицу русских войск во главе с царем и что столь образно описано в “Повести о Казанском взятии”. Этим объясняется не только посвящение придела празднику “Входа в Иерусалим”, но и установления всенародного ежегодного праздника “шествия на осляти”. Праздник “шествия на осляти” образно напоминал торжественный въезд царя в Москву осенью 1552 года. Кроме того, весь собор, нередко называемый документами Иерусалимом, как бы представлял “горный Сион”, которому уделялось так много внимания в литературе того времени.

В своем произведении Посник и Барма отразили в формах архитектуры, мысли и идеи, не раз высказанные их современниками. В эти годы многие стремились даже Москву сравнить с Иерусалимом, что вызвало протест Максима Грека. Архиепископ Феодосий после похода на Казань обратился с посланием к Ивану Грозному, где иносказательно также говорилось о Иерусалиме (“...и жезл силы послет ти господь от Сиона”). Примерно тот же оборот находим мы в более раннем послании Вассиана Ивану III на Угру. Идея храма-города жила издревле среди русского народа, восходя к старой новгородской традиции: “Идеже София, ту и Новгород”» [История русского искусства. Т. III. М. 1955. С.445-446].

Итак, при более внимательном поиске «дороги к (Покровскому) храму», мы приходим к ответу на упомянутый в начале данной работы «риторический» вопрос: **«Какое в России было общественное сознание в XVI веке?»** А вот какое, если еще не ясно (ссылки на источники цитат опущены):

«...Принципы трансляции религиозных ценностей через создание сакральных пространств и сакрализацию существующих пространств мирских, были полностью восприняты Русью из Византии.

Не было исключением и «Шествие на осляти»: большинство исследователей давно пришли к выводу о его византийском происхождении. А.А. Дмитриевский, в частности, находит параллели «Шествию на осляти» в аналогичном чине, совершаемом в Константинополе патриархом с IX в.: патриарх “на жребяти” в сопровождение духовенства шествовал в Константинопольский храм 40 мучеников Севастийских, где освящались вайи (пальмовые ветви), после чего следовало шествие к колонне св. Константина с совершением там молитв и затем – литургия в церкви св. Софии, главном храме Константинополя. В данном случае патриарх “представлял” Христа, въезжающего в Иерусалим в сопровождении учеников, тем самым совершившееся в прошлом событие актуализировалось в настоящем. Одновременно Константинополь как бы “становился” Иерусалимом, происходила сакрализация его пространства, “превращение” его в пространство Святой Земли, создавалась пространственная икона. /.../

...Пик развития действ приходится на XV– XVI вв., когда окончательно формируется русское централизованное государство, устанавливается автокефалия Русской церкви, наконец, происходит венчание на царство первого царя – Ивана IV. Одновременно всё большую популярность обретает идея России как “третьего Рима”, хранителя православия, с чем и связано стремление в максимальной степени освятить пространство “Святой Руси”, средством для чего и служат действия, включая “Шествие на осляти”. Со стремлением в наибольшей степени освятить пространство связано то обстоятельство, что создаваемое действиями пространство Священного имело тенденцию к расширению. История развития “Шествия на осляти” в России показывает, что первоначально, в XVI в., обряд совершался внутри Кремля, но после освящения церкви Входа Господня в Иерусалим в Покровском соборе на Красной площади шествие стало выходить за стены Кремля, проходить до этой церкви, где совершалось богослужение, и возвращаться вновь в Успенский Собор» [Сазонова Н.И. «Шествие на осляти» в России XVI–XVII вв.: содержание и смысловые трансформации / «ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики», выпуск 2, Томск, 2015. С. 117-128].

Отметим еще один момент этого действия – его непосредственную связь с появлением в идеологии зарождающегося «Третьего Рима» подложного документа, обосновывающего преемственность Руси от Рима, и соответствующей фолк-истории «Повести о Белом клобуке» (о которой мы еще упомянем): «Обряд “Шествия” в России объединял в действительности два обряда, из начально независимых друг от друга: церковную торжественную процессию в Вербное воскресенье, включавшую езду первосвященника на осле в подражание евангельским событиям, и обряд “службы конюшего”, которую в древности исполнял император в отношении римского папы в связи со своим коронованием. Первый обряд имел чисто церковный характер и совершался иерусалимским и константинопольским патриархом на Востоке. Второй обряд развился на Западе и связан с появлением в VIII в. так называемого «Константинова дара» (“Псевдоконстантиновой фамоты”), обосновывавшего претензии Римских пап на главенство в западном мире. Введение элемента “службы конюшего» в обряд «Шествия на осляти» в России связано с появлением перевода “Псевдоконстантиновой грамоты”, которая легла в основу “Повести о белом клобуке”» – [Стенникова П.А. Церковно-театрализованные действия в России XVI-XVII вв. (на примере «Пещного действия» и «Шествия на осляти» в Вербное воскресенье). Автореф. дисс. на звание канд. ист. наук. Челябинск. 2006].

Пространство мессианского сознания

В Части 1 данной работы мы уже указывали (в таблице) на фактор русского мессианства, отраженный, в частности, в «Повести о белом клобуке». Сейчас мы остановимся подробнее на этой теме, поскольку именно **пространство русского мессианского сознания – а вовсе не «свалившееся с небес» географическое пространство – формировало менталитет Русской цивилизации и соответствующий ему тип власти.**

Я не вижу смысла заниматься пересказом того, что уже прекрасно выражено, в частности, в трудах выдающегося историка, переведшего на английский язык и прокомментировавшего 5 томов Никоновского летописного свода, **Сергея Александровича Зеньковского**. Вот отрывки из **Главы 1 «Кризис Третьего Рима»** его фундаментального труда **«Русское старообрядчество»** (ссылки на источники цитат опущены):

«Падение Константинополя в 1453 году невольно привело к тому, что в умах русских людей зародилась мысль, что теперь сам Господь предназначил молодой Руси стать преемником византийских императоров в деле защиты православия, хранения самых чистых заветов Христа. К этому чувству гордости за политические успехи примешивалось и национальное удовлетворение за твердость в делах веры. Ведь всего лишь за полтора десятка лет до падения второго Рима византийские патриарх и царь признали верховный авторитет всегда ими нелюбимого владыки первого Рима и изменили, в глазах православных, своей здоровой вере и догме. В противоположность Константинополю Москва отвергла унию с Римом и осталась верной православию. Теперь русским казалось, что, наказав “изменников”-греков за их отступление, Господь наградил “светлую” Русь за ее стояние за православие и вручил ей защиту судеб христианства. /.../

Мысль Зосимы, что Русь стала преемницей вселенской роли Византии, не была ни случайной, ни единичной для его времени. Противники митрополита Зосимы — знаменитый игумен Иосиф Волоцкий и архиепископ Новгородский Геннадий — в свою очередь оба разработали теорию исключительного значения России в судьбах всего христианского мира. В своем введении в “Просветитель” Иосиф Волоцкий напоминает читателям предсказание апостола Андрея, рассказанное первым русским летописцем, и прибавляет от себя, что “...яко древние нечестие превзыде русская земля [во времена язычества], так ныне благочестием всех одоле”. По его мнению, русское благочестие особенно проявилось в святости многочисленных русских святых, которые своим праведным примером подняли сознание народа и осветили светом христианской правды всю русскую землю⁸. Его союзник и друг, вместе с ним боровшийся против ереси жидовствующих, новгородский архиепископ Геннадий тоже увлекся величественной мыслью об особой исторической роли России в деле охраны христианства. В очаровательной легенде — “Повести о Белом Клобуке”, видимо, составленной самим Геннадием и его литературным помощником, толмачом Герасимовым, в 1480—1490 годах, эта идея уже принимает мистический характер. “Белый Клобук” — символ чистоты православия и “светлого тридневного Воскресения Христова” — был, по словам легенды, дарован императором Константином папе Сильвестру. Из Рима Белый Клобук позже попал в

Константинополь — второй Рим, — который в течение долгих веков был центром православия. Оттуда Клобук был “переслан [опять-таки по словам легенды] в Новгород”, на Русь, так как “там воистину есть славима вера Христова”. Нахождение Белого Клобука на Руси очень многозначительно, по словам легенды, так как оно указывает не только на то, что “ныне православная вера там почитается и прославляется больше, чем где-либо на земле”, но и обещает духовную славу России. По мнению авторов легенды, “...в третьем же Риме, еже есть на русской земле — благодать Святого Духа воссия”⁹. /.../

Помимо списков “Повести о Белом Клобуке” по рукам русских людей конца XVI и XVII веков ходило множество других рукописей и книг, утверждавших особое благочестие и особую историческую миссию русского православного народа. Таким, например, был “Стоглав” (постановления русского церковного собора 1551 года, на котором было постановлено, что русские церковные обряды правильнее всех других), “Просветитель” Иосифа Волоцкого, списки с грамот об установлении патриаршества, сборники русской литературы и знаний, известные под именем “Четий Миней” и много других произведений московской письменности. Величавое учение русского мессианства стало проникать в сознание широких кругов русского народа [Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. В двух томах. Том 1 / Сост. Г.М. Прохоров. Общ. ред. В.В. Нехотина. М.: Институт ДИ-ДИК, Квадрига, 2009. С. 56, 58, 64].

Но преемничество от византийских императоров, так неожиданно свалившееся на Русь, не избежало **сущностного искажения в представлении о природе и статусе царской власти**, и об этом сейчас пойдет речь.

«Обгоняющая сакрализация»

Да, именно она, а не мифическая «догоняющая модернизация» (а на деле — поверхностная, а временами и имитационная *вестернизация*) оказалась центральной идеей 37-летней эпохи правления Ивана Грозного. И сакрализация эта (царской самодержавной власти) наложила ужасающий отпечаток на характеристические черты и историческую траекторию Российской империи, Русской цивилизации. Это идея — санкция царю от Бога творить на Земле Страшный суд.

Этот вывод можно сделать как из символики книжной и устной словесности, так и из анализа исторического бытия Московского царства того времени.

Вот, в частности, как видится этот вопрос автору монументальной монографии по символическому аспекту российской государственности:

«Период конца XVI-XVII вв. был ознаменован перемещением в Московское царство множества святынь, составлявших прежде славу Царьграда как центра христианского святого царства. /.../

Российский и прежде всего исходный, московский “цезарепапизм” отличается от византийского тем, что русский властитель берет на себя функции управления церковью без достаточных оснований. Это не особый порядок и обычай, а искажение порядка, неустройство, следствие искажения парадигмы на русской почве. /.../

С поврежденностью русской парадигмы идеального властителя, вероятно, можно связывать и описываемую в работе В.М. Живова и Б.А. Успенского (Живов, Успенский, 1987) тенденцию к обожествлению царя. Отсутствие в парадигме равновесия, правильного соотношения сакрального и земного начал... могло способствовать развитию болезненных тенденций. Не была освоена правильная форма для осмысления царской власти, и потому для понимания ее требовались такие чрезмерные средства, как образы Бога или Сатаны... Царем, олицетворяющим сущность московской царской власти, основателем московского цареня в широких представлениях стал Иван Грозный, персонаж весьма далекий от Константина Великого» [Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 136-138].

«Болезненные тенденции» в форме обожествления царя явились неотвратимой «нагрузкой» к избранничеству. Слишком внезапным оказался переход от монгольского улуса — к наследнице обоих Римов и Иерусалима. Особенно, в условиях напряженного ожидания «конца света»:

«В России, опираясь на византийские пророчества, Конец света ждали на исходе седьмой тысячи лет от Сотворения мира (то есть около 1492 года от Рождества Христова). Но в конце XV века Апокалипсиса не произошло. После этого эсхатологические ожидания обострялись к любой

седмиричной дате: 7007 (1499), 7070 (1562), 7077 (1569) годам. Для нас здесь важна бросающаяся в глаза близость последних двух дат к датам начала опричнины (зима 1564/65 года) и ее окончания (1572 год, после Новгородского похода зимы 1569/70 года, бывшего апофеозом террора). /.../

Учеными также неоднократно обращалось внимание на «богословие» грамоты московских бояр к литовским панам от 17 июня 1563 года, содержащей оригинальный образ: «Великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, в Троицы славимаго милостию, великого государя, яко рога инрога, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси...» Большинство ученых справедливо указывали на связь выражения «рог единорога» с идеей возвеличивания царской власти. Действительно, перед нами цитирование Псалтыри: «И вознесется яко единорога рог Мой» (77с. 91: 11).

И здесь мы должны остановиться подробнее на анализе «богословии» 1560-х годов в контексте духовного развития Русского государства в предопричные годы и перерастания Ливонской войны из локального столкновения с орденом в крупномасштабную войну России с Великим княжеством Литовским. Символика «рога единорога» оказывается тесно связанной с идеей царской власти как мессианской, царя как источника славы и великой исторической судьбы страны, которой он правит. Все народы склоняются перед праведным царем, вознесшимся, как рог единорога. Он выступит проводником своих подданных в Царство Славы. Это получило отражение в переоформлении ряда государственных символов, в частности государевой печати, на которой был помещен единорог.

Эти идеи нашли воплощение и в созданной примерно в эти же годы «Степенной книге» (начало 1560-х годов), которая считается отражением официальной позиции власти и церкви. В ней Российское царство как последнее истинно верящее, православное государство объявлялось высшей точкой мировой истории, а его правители – проводниками своего народа в Царство Божие. Подвиги князей и святителей были ступенями, по которым Россия восходила к своей высокой роли (отсюда и название книги – Степенная, то есть – построенная по степеням, по ступням). Православный народ при этом называется Новым Израилем, новым богоизбранным народом, чья миссия для человечества сравнима по своему значению с миссией библейского Израиля. Иван Грозный, таким образом, оказывается последним богоизбранным царем Нового Израиля, правителем-мессией, сравнимым с библейскими царями» [Филюшкин А.И. Андрей Михайлович Курбский. М. 2010].

Поскольку я уже касался темы становления сакральности российской власти в этот период в своей работе «**Прощание с Химерой**», далее до конца рубрики приводится соответствующий из нее фрагмент.

Фактология злодеяний из западной истории приводит к выводу о их «рациональной» основе – будь то религиозная и/или социальная борьба или военные эксцессы. То есть это были злодеяния по «необходимости» и во многих случаях с легитимным оформлением.

Период же правления Ивана Ужасного, особенно после учреждения опричнины в 1565 году, дает, при ближайшем рассмотрении, картину беспрецедентного, абсолютно иррационального и ничем не ограниченного террора над беззащитным, рабски преданным населением.

Важно ли это обстоятельство?

Деяния Ивана Ужасного поражали представителей Запада, попадавших в Московию с теми или иными целями, прежде всего, не их варварской жестокостью. Этим в те времена трудно было удивить. Поражал именно тотальный и беспричинный характер репрессий против невинных подданных. Смешно, когда сейчас этих западных современников тирана пытаются уличить в «лицемерии» и «русофобии». Ибо достаточно почитать его переписку с Курбским, чтобы понять, каков потенциал его чудовищных воззрений на характер своей власти.

В беспрецедентном по смелости (1940 год) труде «Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник» [Исследования по истории опричнины. М. 1963] С.Б. Веселовский пишет:

«Читая рассказы современников о казнях того времени, мы всегда испытываем недоумение. Мы ясно видим преувеличения, иногда подозреваем сознательную ложь, многое нам кажется чудовищным и нелепым, но вместе с тем мы не можем отделаться от впечатления ужаса, которое складывается у нас помимо воли и сознания. Это впечатление является смутным отражением того ужаса, который испытывали современники и который лишил их способности спокойно наблюдать события и объективно о них рассказывать» – С. 333.

«Со времени учреждения опричнины в 1565 г. казни приобрели характер организованного террора, направленного уже не столько против виновных, сколько против самых широких слоев населения, но в первую очередь, конечно, против тех, кто подвергивался под горячую руку царя, кто составлял его ближайшее окружение и был исполнителем его распоряжений, будь то боярин, приказный дьяк или псарь, поставленный на заставе. Через них царь Иван распространял ужас в низшие слои населения, а иногда производил непосредственные погромы. Террор принимал характер системы, причем физическая жестокость пыток и казней казалась царю Ивану недостаточной, и он, в согласии со своими собственными представлениями и с представлениями современников о смерти и загробной жизни, прибегал сознательно и преднамеренно к крайним средствам. Таким крайним средством были удары по указанным представлениям, удары, которые для современников и жертв были страшнее физической боли и даже смерти, так как поражали на вечные времена душу. Чтобы человек не успел покаяться и сделать предсмертные распоряжения, его убивали внезапно. Чтобы его тело не могло получить выгоды христианского погребения, его разрубали на куски, спускали под лед или бросали на съедение собакам, хищным птицам и зверям, запрещая родным и посторонним лицам погребать. Чтобы лишить человека последней надежды на спасение души, его лишали поминовения. Курбский и другие сокромешники сообщают о разграблении имущества казнимых, о пытках при этом, о казнях «всеродне», т.е. целыми семьями и группами ближайших родственников. Курбский объясняет это корыстолюбием царя Ивана, но в действительности корыстные побуждения играли совсем небольшую роль. Если царь Иван конфисковывал недвижимое имущество казнимых и путем пыток вымучивал скрытое движимое имущество, то он имел в виду, во-первых, уничтожить лицо как социально-экономическую величину, разогнать и истребить преданную ему челядь, а затем лишить казнимого и его родственников средств поминания души. О том, что он достигал последней цели, видно из сохранившихся вкладных книг монастырей. Вследствие террора, конфискации и разграбления имущества, а иногда и казни ближайших родственников, никто не решался делать вклады и записывать в поминание казненных» – С. 334-335.

Что же касается пресловутого «Синодика», то из работы Веселовского становится понятно, почему количество репрессированных, которые он дает (около 3000) никоим образом не может соответствовать реальному масштабу террора. А заканчивает он свой труд так:

«Очевидно, что пора оставить старый предрассудок, будто опалы и казни царя Ивана были направлены в лице бояр и княжат против крупных феодалов и что лица из низших слоев населения погибали только случайно, в связи с казнью крупного феодала. Ценность Синодика опальных как исторического источника в том и заключается, что он заставляет нас коренным образом пересмотреть вопрос о том, против кого была направлена опричнина и вообще опалы царя Ивана и в чем состояла сущность его политики относительно различных классов современного ему общества» – С. 478.

«Преторианская гвардия» Сатаны

Вопрос об опричнине нужно рассмотреть не только потому, что она была рассмотрена в курсе как «орган безопасности» и даже как подобие «преторианской гвардии» (телохранителей римских императоров). Дело еще в том, что этот институт, просуществовавший 7 лет и уничтоженный вскоре после того, как прошла последняя дата эсхатологического ожидания 7077 (1569), нагружен такой сакральной символикой, которая ни в каких Европах и помыслиться не могла. Этой теме посвящена, в частности, специальная работа видного советского и российского историка Александра Львовича Юрганова [Юрганов А.Л. Опричнина и Страшный суд // Отечественная история. 1997. № 3], которую мы и процитируем (ссылки на источники цитат опущены):

«В Откровении Иоанна Богослова сказано, о народах Гог и Магог, которые придут в “последние времена” говорит пророк Иезекииль непосредственно перед описанием Града Божьего (Иез. 38-39), что чрезвычайно показательно, если учесть практическую реализацию идей Иезекииля в Опричном дворце. Перед соединением Бога со своим народом во Граде Божьем, описываются Божьи наказания. Приход народов Гог и Магог – это высший промысел. /.../

В русских лицевых апокалипсисах XVI в. упомянутые места Откровения специально иллюстрируются. Изображаются Гог и Магог отдельно от Антихриста и лжепророка. Гог и Магог осаждают “стан святых”, предводительствуя псыми головами.

На миниатюрах изображаются именно головы; от Гога и Магога их отличает только то, что на головах их нет корон. Песьи головы изображаются также в качестве тех, кто принимает участие в наказании грешников (в одной миниатюре песьи головы копьями толкают в адский огонь грешницу). Они изображены под стенами города, где восседает Вавилонская блудница; песьи головы побивают народ, пожирают падших.

Поиски истоков этого образа привели нас к эсхатологическому апокрифу, который приписывается Мефодию Патарскому, хорошо известному на Руси.

Кончина мира в так называемом “Откровении” Мефодия Патарского связывается с падением “Греческого царства”. В седьмую тысячу лет “семя Измаила”, загнанное Гедеоном в пустыню, выйдет из нее, и падет Греческое царство; Бог отдаст христиан в руки безбожных за их беззаконие. Но внезапно восстанет на измаильтян царь греческий, которого все считали мертвым, придет он от “моря Ефиопского”, попленил измаильтян, их жен и детей. Во Вселенной наступит последняя тишина. Настанет на земле веселие перед концом века. После этого 33-летнего благополучного царствования греческого царя придет к власти “царь от сынов Рахилиных на три лета” и сотворит такое беззаконие, какого не было от Сотворения мира. В промежутке между этими царствованиями (по прошествии семи тысяч лет!). /.../

Зададим себе вопрос: могла ли быть незнакома царю эта символика?

Шатровая, на погребках и подклетах церковь Троицы на Государевом дворе, на территории современного Успенского девичьего монастыря в г. Александрове, была специально перестроена в 1570-1571 гг., судя по всему, сразу после опричного похода на Новгород и Псков. В.В. Кавельмахер считает, что церковь уникальна едва ли не во всех отношениях. Это была домовая церковь капелла русского государя. К алтарной части ее было пристроено специальное помещение для хранения личных сокровищ царя. Именно в Трапезной, примыкавшей к церкви, как предполагает В.В. Кавельмахер, происходили опричные монастырские оргии, описанные иностранцами. Для нас, конечно, особый интерес представляет то, что шатровая церковь в 1570-1571 гг. была расписана сюжетными изображениями, хотя для шатровых храмов XVI в. это не было характерно. ... В.Д. Сарабьянов пишет: “Идея богоизбранности Московского царства, осененного небесным покровительством, продемонстрирована здесь достаточно определенно... В росписях... шатра нашли отражение эсхатологические настроения, чрезвычайно характерные для русского мировоззрения XVI столетия”.

Одна из фресок – изображение большой художественной силы, в котором обращают на себя внимание такие детали: в полыхающем адском огне дьявол, оскаливший пасть, держит в своей правой руке цепь, а по обе стороны от него такие же оскаленные песьи головы, пожирающие грешников.

Итак, символический смысл опричной атрибутики не сводим к наказанию вообще; суть в ином: Божье наказание осуществляется избранными людьми царя в “последнее время”. – С. 21-22.

«Опричнина в восприятии Ивана Грозного была синкретическим явлением не столько политического, сколько религиозного характера. Люди XVI в. не различали эти две сферы: “политика” для них – осуществление христианских задач и целей. Не случайно слова “политика”, “политический” появляются в русском языке только в самом конце XVII в. Христиане воспринимают апокалиптические образы в символическом смысле. /.../

Опричные казни превращались в своеобразное русское чистилище перед Страшным Судом. Царь добивался полновластия как исполнитель воли Божьей по наказанию человеческого греха и утверждению истинного “благочестия” не только во спасение собственной души, но и тех грешников, которых он обрекал на смерть». – С. 26.

И теперь становится очевидным: опричнина – это действительно прообраз всех органов безопасности Русской цивилизации, но только **не имеющий никакого отношения не то что к «безопасности», но и к «охранительству»**. И она, и все последующие таковые органы – это **чисто российский институт, воспроизводящий не какую-то там «силовую интенцию Российского пространства», но очищение государства от «греха» подданных – от самого страшного их греха: возможного непризнания сакральности власти**.

Обрыв на месте спирали

Заголовок данной рубрики навеян образом из передачи на Эхе Москвы с известным российским экономистом Александром Аузаном «Западные экономические модели в России»:

«Россия для конкурентоспособности регулярно пытается заимствовать западные институты, но при этом применяет два своих родных собственных инструмента: крепостничество и, естественно, самодержавие./.../

Поэтому Россия приобрела такую специфическую линию движения: скачок, потом удар о потолок и – сползание» – <https://echo.msk.ru/programs/zapad/2840708-echo/>

Выразительная картина «модернизации», не правда ли?

Но нам она уже не кажется аномальной: она вполне естественна для государства, где в подсознании населения – мессианство и сакральность власти, а в основании общественных отношений – самодержавие и холопство. В таком государстве все попытки реформ заканчиваются «ударом о потолок» контрреформ.

Вот как описывал это явление младший современник С.Б. Веселовского, историк и литератор Даниил Альшиц в статье «Противостояние реформ и контрреформ – изначальная особенность истории российской государственности» (2007) [Альшиц Д.Н. (Даниил Аль). Из книг. Воспоминания. Исследования. Публицистика. СПб. 2019]:

«Исторически сложилось так, что первоотчетком, породившим в XVI веке из многовекового удельного хаоса новую вселенную – единую российскую государственность, – стала именно мощная контрреформа, прикончившая в зародыше те либеральные начала, которые попытались вложить в основание государственного устройства единой России его первоотроители. Этот толчок и задал инерцию дальнейшей истории российской государственности в области внутренней политики и на долгие века определил ее характер. /.../

Деяния первоотроителей единого российского централизованного государства – фактического правительства начала царствования Ивана IV – постоянно именуются в историографии реформами. При этом может создаться впечатление, что вслед за этими реформами не последовало никаких контрреформ, поскольку в трудах историков, изучавших этот период, слова “контрреформы” мы не встретим. Не встретим потому, что название яркого, огромного фактического наполнения, судьбоносного для дальнейшей истории страны события того времени – “опричнина” – прочно исключало какое-либо иное его наименование. Между тем опричнина по своему существу была не чем иным, как системой контрреформ, системой тотального выкорчевывания реформ так называемой Избранной рады – фактического правительства на первом этапе рождения единого централизованного Российского государства» – С. 211-213.

Продолжу цитирование своей упомянутой работы «Прощание с Химерой», приводя далее до конца рубрики соответствующий фрагмент.

Контрреформация Ивана Ужасного, опирающаяся на византийскую избранническую идеологию «Третьего Рима», совпала с целым рядом географических и политических обстоятельств, обеспечивая формирование этого устойчивого экономического, культурного и духовного феномена. Наследуемый страх – хотя бы в форме недоверия ко всему тому, что находится вне некой очень примитивной, но достигающей подсознания «традиции», стал характеристической его особенностью.

Разница в цивилизационном менталитете России и Запада становится хорошо заметна на примере антиправительственных социальных движений Нового времени. Если в Европе целью таких движений могли быть политические реформы, борьба против абсолютизма, в которой феодалов поддерживали крестьяне (восстание герцога Монморанси в Лангедоке в 1632, война французской Фронды 1649-1653 годов, английская и французская революции XVIII века), то в России антиправительственные движения – Болотникова, Разина и Пугачева – существовали исключительно в форме «самозванничества», когда сакральная сущность самодержавной власти не только не ставилась под сомнение, но, наоборот, становилась средством борьбы за власть. А первая же попытка покушения на самодержавие 1825 года («восстание декабристов») явила собой трагифарс.

Достигнув в начале 19 века эпохи расцвета, Русская цивилизация в течение целого столетия предпринимала попытки западной модернизации – более всего в сфере экономической и правовой. Но

экономическая европеизация постоянно буксовала, наталкиваясь на непонятной природы препятствия. Народ – крестьянство, составлявшее более 80% населения, воспринимал власть и, в качестве ее части, вообще интеллигенцию, как скрытую угрозу. И исторические предпосылки тут логично сочетались с современными – реформирование аграрной экономики в условиях сакральной самодержавности могло вестись лишь административными мерами при отсутствии социально-экономической мотивированности снизу. Иные методы не работали – вспомним хотя бы рассказ Льва Толстого «Утро помещика».

Парадоксальными оказались итоги и правовой модернизации.

Судебные уставы 1864 года создали систему независимых судов, отделенных от администрации. Однако этот важный шаг в сторону создания гражданского общества в европейском смысле был почти незаметен ввиду того, что основная часть населения – крестьяне – оставалась в юрисдикции традиционных волостных судов, не встроенных в систему судов общей юрисдикции. Эти суды не были обязаны руководствоваться действующим правом и часто действовали по местным обычаям; их решения были непредсказуемы.

Такая особенность судебной реформы никак не сближала крестьянство с образованным обществом, оставляя в неприкосновенности разделение России на сформированное страхом перед всем новым большинство и вестернизируемое меньшинство.

Мало того – такая извращенная самодержавными условиями рождения правовая система вела к тому, что профессиональные юристы, идеалом которых не могло не быть общество, основанное на праве, становились в оппозицию самодержавной власти, готовя, в конечном счете, ее гибель.

Такой объективно поверхностный характер реформ мог привести только к одному: утрате сакральности самодержавия. Разумеется, с одновременной утратой «православной» веры в Бога. Результатом стала долгожданная революция европейского образца под демократическими лозунгами... И – империя стала было рассыпаться...

Но цивилизация имеет все свойства живого организма и соответствующую интенцию на выживание, преодоление губительных внешних воздействий.

И потому, хотя последующее «большевистское» развитие событий было также продолжением европейской реформации, в ее духовной составляющей на месте плюрализма была идеологичность. Благодаря которой, самодержавно-рабская константа Российской цивилизации обеспечила ей возможность регенерации в обличье советской империи.

А потом все это еще раз повторилось, как уже было описано, в эволюции от горбачевской перестройки советской империи – в путинскую реставрацию уже совершенно химерической псевдоимперской конструкции...

Можно заметить, что империя, несмотря на все свои усилия, вышла из последней регенерации уже с серьезными территориальными и политическими потерями. Но будущим ее реформаторам нужно понимать, что им противостоит многовековая цивилизация, а не «недопросвещенное» население. В противном случае все повторится еще раз.

Модернизация как «пифонизация»

«Скачок, потом удар о потолок и – сползание». Реформы – контрреформы...

Не кажется ли вам, что внутри субъекта, демонстрирующего такой вид «развития» находятся две взаимодействующие сущности, так что действие одной вызывает противодействие другой?

В. Ключевской, пожалуй, первым обратил внимание на эту характеристическую особенность Русской цивилизации в своем «Курсе русской истории»:

«Со второго десятилетия XVII в. в нашей истории последовательно выступает ряд новых фактов, которые заметно отличают дальнейшее время от предшествующего. /.../

Соотношение этих фактов способно вызвать недоумение. В них при первом взгляде легко заметить два параллельных течения: 1) до половины XIX в. внешнее территориальное расширение государства идет в обратно пропорциональном отношении к развитию внутренней свободы народа; 2) политическое положение трудящихся классов устанавливается в обратно пропорциональном отношении к экономической производительности их труда, т. е. этот труд

становится тем менее свободен, чем более делается производителен. Отношение народного хозяйства к социальному строю народа, открывающееся во втором процессе, противоречит нашему привычному представлению о связи производительности народного труда с его свободой. Мы привыкли думать, что рабский труд не может равняться в энергии с трудом свободным и что трудовая сила не может развиваться в ущерб правовому положению трудящихся классов. Это экономическое противоречие еще обостряется политическим. Сопоставляя психологию народов с жизнью отдельных людей, мы привыкли думать, что по мере усиления массовой, как и индивидуальной, деятельности и по мере расширения ее поприща в массах, как и в отдельных людях, поднимается сознание своей силы, а это сознание – источник чувства политической свободы.

Открывающееся в нашей истории влияние территориального расширения государства на отношение государственной власти к обществу не оправдывает и этого мнения: у нас по мере расширения территории вместе с ростом внешней силы народа все более стеснялась его внутренняя свобода. Напряжение народной деятельности глушило в народе его силы, на расширявшемся завоеваниями поприще увеличивался размах власти, но уменьшалась подъемная сила народного духа. /.../

Все усиливавшееся общение с Западной Европой приносило к нам идеи, нравы, знания, много культуры, но этот приток скользил по верхушкам общества, осаждаясь на дно частичными реформами, более или менее осторожными и бесплодными. Просвещение стало сословной монополией господ, до которой не могло без опасности для государства дотрагиваться непросвещенное простонародье, пока не просветится. В исходе XVII в. люди, задумавшие учредить в Москве академию, первое у нас высшее училище, находили возможным открыть доступ в нее “всякого чина, сана и возраста людям” без оговорок. Полтора года спустя, при Николае I, секретный комитет гр. Кочубея, на который возложено было чисто преобразовательное поручение, решительно высказался по поводу самоубийства обучавшегося живописи дворового человека за вред допущения крепостных людей “в такие училища, где они приучаются к роду жизни, к образу мыслей и понятиям, не соответствующим их состоянию”.

Изложенные три процесса, полные таких противоречий и захватывающие все главные явления периода, не были **аномалиями**, отрицанием исторической закономерности: назовем их лучшие историческими **антиномиями**, исключениями из правил исторической жизни, произведениями своеобразного местного склада условий, который, однако, раз образовавшись, в дальнейшем своем действии повинует уже общим законам человеческой жизни, как организм с расстроенной нервной системой функционирует по общим нормам органической жизни, только производит соответствующие своему расстройству ненормальные явления».

Современный исследователь Русской цивилизации описывает в своей монографии эту антиномичность как двухуровневость культуры России:

«Российское общество со второй половины XVII в. находится в процессе модернизации. Причем (и это весьма существенно) процессы исторического преобразования российского общества не завершились. В силу этого российская культура имеет два уровня. Исторически первична традиционная культура, которая возникла в ходе цивилизационного синтеза ориентировочно в XIII-XVI вв. Она и образует базовый уровень культуры. Затем, в течение более трех столетий модернизация придавала и продолжает придавать исходной ментальности другие, новые черты, формирует иные интенции. Процессы модернизации меняют реальность на всех уровнях и во всех срезам социокультурного целого. В результате формируется самостоятельный уровень культуры, существенно отличающийся по своим характеристикам от исходного, который сложным образом взаимодействует с культурой базового уровня.

Новое частично размыкает устойчивые моменты, взаимодействует с ними, отодвигает на периферию. В равной степени культура базового уровня воздействует на качественно новые феномены, трансформирует их, согласует с базовыми интенциями. В результате рождаются паллиативные формы, причудливо сочетающие в себе несочетаемые, казалось бы, характеристики и интенции. /.../

На том этапе исторического развития, который переживает Россия, традиционный пласт культуры не исчерпан. Он, если угодно, уходит в подпочву. Речь пойдет о том, что просвечивает из глубины и находится на уровне не всегда очевидных, но очень важных интенций. Речь о том, чего мы,

как правило, не осознаем. Более того, часто нам психологически некомфортно осознавать эти реалии, ибо такое осознание нарушает наше представление о себе самом, трансформирует комфортное самопонимание [И. Г. Яковенко. Познание РОССИИ: цивилизационный анализ. М. 2012].

Итак, подсознательный пласт интенций традиционной культуры – вот тот фактор, который антиномичен «сознательному» пласту модернизационных интенций, что и задает упомянутый специфический характер движения России по исторической траектории.

«Паллиативные формы», «расстройства», «ненормальные явления»...Химера – вот наиболее яркий и точный образ такой России, явленный в работе, написанной в 1989 году в Чистопольской тюрьме Михаилом Казачковым, политзаключенным, освобожденным одним из последних после 15-летней отсидки [Михаил Казачков. Пифон // Искусство кино. 1993. № 1. С. 8-15]:

«Еще в 1989 году Борис Ельцин в интервью по возвращении из первой своей поездки в Соединенные Штаты подчеркнул: “Главное, что нам не просто полезно, а необходимо у них перенять, это здоровый смысл. Вся жизнь в Америке построена на здоровом смысле”.

Легко сказать... Наша-то жизнь иррациональна до прямого абсурда едва ли не во всех своих проявлениях, и вызванный этим вопль возмущенного отчаяния рвется со страниц отечественной периодики. Было бы, однако, крайней наивностью вслед за советской прессой принимать этот плод 72-летнего эксперимента за нечто взращенное на чистой марксистской гидропонике.

Неспособность проследить корни российской иррациональности опасна, а недооценка ее полярной противоположности американскому рацио в нынешний переломный – от холодной к прохладной войне – момент может быть просто непоправима. /.../

Думается, однако, что русскому уму историка Василия Осиповича Ключевского удалось указать фундаментальную причину, по которой логика русской истории с таким трудом поддается концептуализации рациональным сознанием Запада. Он утверждал, что “Россия – это не аномалия, а антиномия”.

По мысли Ключевского, аномалий, то есть исключений из универсальных законов истории... не бывает. Антиномия же, единожды возникнув, развивается затем по историческим законам, оставаясь антиномией, то есть сохраняя неразрешимые внутренние противоречия, с чем непривычный к ним западный мир мирится с трудом. /.../

В России европейский духовный импорт долгое время поступал почти исключительно в высшие слои общества, практически не затрагивая основную крестьянскую массу населения. Именно крестьянство является главным носителем национального подсознания... Таким образом, социальная база рацио в русском народе традиционно была исключительно узка, а относительная мощь пласта национального подсознания – много выше европейской “нормы”. /.../

А теперь поговорим о химерах. Едва ли хоть одна культура древности обошлась без образов тех или иных химер... Сколько я могу судить, ни одна химера не олицетворяет начал Добра. /.../

У Овидия под лучами Солнца – Аполлона (бога гармонии, искусства и культуры) оттаявшая Земля, как некогда гигантов, вновь порождает силы зла, но уже вторичного; их предводителем выступает суперхимера – могучий Пифон. /.../

Иностранцы принимают видные издали вершины русского духа за контур национальной культуры в целом и поражаются тому, как это в “загадочной русской душе” Стравинский и Толстой совмещаются с сервильностью и пьянством. Между тем ответ прост: антиномично совмещаются, то есть внутренне противоречиво, как женская грудь и львиный хвост у сфинкса. /.../

...Место, которое в душе других народов занимает восходящее к кровному родству этническое чувство, в русской душе занято чувством государственной принадлежности.

Русское подсознание поражено врожденным дальтонизмом на подлинное этническое чувство... Для русского “мы” – это те, кто принадлежит к русскому не народу, но государству, кто его укрепляет и расширяет...

Самодержавие? Но какая еще политическая идея, кроме наипростейшей, могла бы объединить темных землепашцев во всех концах необъятной равнины... Этот мало кем виданный, полумифический, но всемогущий Владыка-Царь в сознании весьма поверхностно усвоившего

христианство народа закономерно совмещался с образом Владыки Небесного. На их “мерцающее” взаимозамещение опиралась абсолютность самодержавной власти...

Знаменитый интернационализм русских и “всечеловечность русской культуры”? Но стоит ли удивляться отсутствию дискриминации или даже подчеркнуто высокому положению верно служащего государству инородца, если русские друг другу “свои” не по крови, как все другие народы, но по чувству государственности? /.../

Европейские нравы принудительно насаждались Петром лишь в тончайшем слое столичного общества, в котором и образовалась “обычная” культурная химера, за век-полтора постепенно почти рассосавшаяся. Однако в основное тело русского народа западное влияние не проникало, и между ним и верхушкой общества возник горизонтальный раскол, глубоко антиномичная структура, в великой стране неизбежно чреватая пифонством. /.../

Необходимо ясно понимать отличие культурной химеры от всегда благотворного диалога культур. Этот диалог осуществляется в национальном сознании. Химера же возникает вместе с появлением противоречия между национальным сознанием и подсознанием, когда первое резко меняется под влиянием заимствованной культуры, а второе, разумеется, остается инертным. /.../

Как и всех нормальных людей, свобода влечет русского человека, но... ему нельзя! Он интуитивно знает, что, выбирая свободу, он ставит под удар свою этническую самоидентификацию. /.../

Российская Империя так давно и безнадежно буксовала, не справляясь с задачей национальной экспансии... что русское подсознание охотно соблазнилось подменой трехцветного знамени кроваво-красным. Ведь под ним ему сулилась мессианская роль... /.../

Едва ли русский этнос будет тихо угасать, а в предсмертных конвульсиях заключена страшная сила... Не следует полагаться на то, что “очевидная самоубийственность” такого решения остановит руку, тянущуюся к кнопке: это логика рации, а рукой в этом случае бы управляло национальное подсознание... все равно гибнущей коллективной личности, этноса... /.../

Здравый смысл, по которому сегодня в России тоскует не один Борис Ельцин, химерам не свойствен: они сильны лукавой изворотливостью, ложью и насилием».

Ныне, по прошествии 32 лет, мы видим, к чему привела «неспособность», а скорее – нежелание «проследить корни российской иррациональности» и «ее полярной противоположности американскому рации». Россия – Пифон в очередной раз вздымает крылья и скалится, озираясь в поисках неведомых врагов...

19.08.2021